

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ. МОГИЛЬНИКИ IV-VII вв.

Могильники остаются пока основным археологическим источником для изучения многих сторон жизни обитателей Юго-Западного Крыма IV-VII вв. из-за малочисленности открытых до сих пор поселений этого времени и их плохой сохранности. Здесь рассматриваются памятники археолого-этнографической общности, иногда называемой "культурой типа Суук-Су" и существовавшей в небольшой области между морем и невысокими обрывами третьей, или Внешней, крымской гряды (рис. 1, 6). Это в целом лесистая возвышенная область, благоприятная для сельского хозяйства. Плодородных угодий много в долинах рек, их притоков и на полого наклоненных ровных террасах и плато. Рассекающие ее горные гряды сравнительно невысоки, изрезаны. Наиболее высока первая Крымская гряда, отделившая полосу Южнобережья, но и она, имея многочисленные перевалы, не могла быть серьезной помехой для общения жителей. Вместе с тем природа этого уголка Крыма не благоприятствовала единовременному движению больших масс людей, и потому он обычно оставался в стороне от сокрушительных переселений кочевников. Незаселенной порубежной полосой между обитателями Юго-Западного Крыма и степняками стала теперь низкая третья горная гряда, оседлое население с которой отступило на Юг после гибели скифского царства в середине III в. Не принадлежали к Горному Крыму и верховья Салгира, по которым, как показывают болгарские находки, кочевники могли проникать в горы. На западе изучаемая территория вплотную примыкала к сельскохозяйственным владениям византийского Херсона, отделенным горной грядой вдоль реки Черной, и служила для кочевников заслоном от степи.

Широкое изучение могильников Юго-Западного Крыма начали Н. И. Репников и Н. Е. Макаренко, в течение 1903-1907 гг. раскопав в имении Суук-Су близ Гурзуфа 99 могил VI-VII вв. Дебют оказался чрезвычайно удачным. Могильник не подвергался массовому разграблению в средние века, как многие другие, исследованные позднее, так как на рубеже VII-VIII вв. его скрыл большой оползень. Благодаря этому, погребения VI-VII вв. четко отделены стратиграфически от более поздних. Еще более редкой удачей стало обнаружение трех склепов с обильным инвентарем второй половины VI в., пока не представленным в материалах раскопок за последующие десятилетия. Хорошо иллюстрированные отчеты оперативно публиковались (1, 2, 3) и сразу стали важным достоянием мировой научной общественности, сыграв большую роль в изучении эпохи переселения народов по всей Европе. И до сих пор Суук-Су сохраняет значение основного эталонного памятника. Тогда же Н. И. Репников показал, что подобные могильники представлены в разных местах Юго-Западного Крыма.

Научное осмысление находок долго отставало от накопления материала. Высказывания об их этнической принадлежности носили ориентировочный характер. Очень приблизительно определялось их время. Первоначально раннесредневековые древности Крыма датировали только по монетам, без привлечения археологических аналогий. Из найденных в Суук-Су монет III - начала VII в. Н. И. Репников считал показательными для даты нижнего слоя монеты V-VII вв. (1, с. 32). Впрочем, уже тогда А. Гетце, опираясь на археологические аналогии, предложил более точную дату, считая рельефные орлиноголовые пряжки из Суук-Су (одну из ведущих форм находок) не ранее конца VI в. (4, с. 33). Позднее другой зарубеж-

ный исследователь, И. Вернер, отнес нижний слой Суук-Су ко второй половине VI и первой половине VII в. (5, с. 164).

Но исследователи Крыма еще долго отдавали предпочтение упомянутой выше чисто предварительной дате, намеченной Н. И. Репниковым.

Небольшие раскопки последующих десятилетий долго приносили единичные находки VII в. из нарушенных в средние века могил (3, 6). Положение радикально изменилось в 1940-1950-е годы. были впервые широко раскопаны местные могильники III-IV вв.: в 1948 г. - Инкерманский (7), в 1950 - Чернореченский, в 1956-1965 - у совхоза "Севастопольский" (9), в 1963-1965 - Озерное III (10) и опубликованы довоенные раскопки в Хараксе (11). Развернулись работы и на памятниках последующего времени: в 1946-1948 и 1952-1961 гг. изучался могильник Чуфут-Кале с рядом комплексов VII в. (12; 13; 14), в 1952-1953 гг. - могильник у Сахарной Головки (15; 7), в 1958-1960 гг. Е. В. Веймарном раскопано 839 могил IV-IX вв. у Скалистого (16, 17, 18, 19, 20, 21, 22). На последних двух памятниках открыты комплексы V - первой половины VI в. (19, 21), принципиально важные для освещения генезиса "культуры типа Суук-Су" второй половины VI-IX вв. Из полевых работ последнего десятилетия особенно значительны раскопки А.И. Айбабина в Лучистом и Эски-Кермене (22; 23; 24), где впервые открыты хорошо сохранившиеся многоярусные погребения VII в. и пока наиболее поздние, датированные монетами, комплексы этого времени. К сожалению, многие могильники публиковались выборочно. Их полная публикация по комплексам крайне важна не только для археологии Крыма, но и для понимания ряда вопросов истории Восточной и Средней Европы.

В те же десятилетия стали больше внимания уделять и детальному осмыслению южнокрымских находок. В.В. Кропоткин посвятил им диссертацию и ряд статей (25; 13; 14; 26;). Настоятельно требовалось разработать периодизацию и уточнить хронологию. В. К. Пудовин, сопоставив всю сумму взглядов, показал, что наиболее обоснована дата нижнего слоя Суук-Су - вторая половина VI и первая половина VII в. - и предложил разделить соответствующие находки на три этапа (27). А.К. Амброз разделил те же погребения нижнего слоя на четыре этапа, а верхнего на два и предложил продлить дату нижнего слоя почти до конца VII в. (с. 28, с. 110-120; 29, с. 13-26). А.И. Айбабин сделал первые сводки погребений IV - первой половины VI в. и конца VII - первой половины VIII в. (19; 20; 22) и нашел новые важные аргументы в пользу некоторого "упозднения" дат (20, с. 183-188; 23). Много внимания исследователи стали уделять проблеме этногенеза, реконструкции сложных этнических процессов на территории Юго-Западного Крыма (30; 31; 32; 25; 13; 18; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39). Менее изучены вопросы хозяйства и социального устройства (35, с. 12, 13, 22-24, 52, 53), что вполне понятно, если учесть скудность данных о поселениях того времени.

Рассмотрение могильников IV-VII вв. удобнее начать с периодизации и датирования. Из многочисленных комплексов IV в. полностью опубликованы только шесть могил Озерного III (10), прочие (Харакс, Инкерман, Черноморье, совхоз "Севастопольский") - выборочно, что сильно затруднило их подробный анализ. К тому же авторы публикаций датировали их не по отдельным могилам, а каждый памятник как единое целое, опираясь в первую очередь на показания монет. Это привело к заметным колебаниям дат разных памятников со сходным вещевым материалом. В последние десятилетия начинается разработка периодизации по массовым находкам и вносятся уточнения в первоначальную хронологию (42, с. 61-64, 66, 95, 96; 28, с. 100-104; с. 80-81; 41, с. 64-67; 21).

Обычно в литературе не проводят четкой грани между находками III и IV вв., на что влияет и присутствие в могилах IV в. более ранних монет. Провести эту грань помогает то наблюдение, что в комплексах второй половины III в. только начиналось сложение новых форм украшений. Черняховские прогнутые подвязные фибулы III в. с узким массивным корпусом (рис. 2, 1) встречаются в Юго-Западном Крыму как редкая примесь к традиционным здесь севернопричерноморским фибулам (рис. 2, 3, 4) и датируются монетами 238-244 и 270-275 гг. (могилы 35 в Черноречье и 8а у совхоза "Севастопольский"). К тому же времени принадлежали, судя по датированным керченским находкам (рис. 2, 2), пряжки со слабо утолщенной спереди округлой рамкой и массивным язычком. Из этого видно, что более развитые формы подобных украшений - прогнутые подвязные фибулы с ленточно расплюснутым корпусом и пряжки с сильно утолщенной спереди рамкой и толстым изогнутым в виде "хоботка" коротким язычком (рис. 2, 16-19) - относятся к более позднему времени. С ними уже нет старых местных фибул и пряжек, а дату IV в. определяют монеты, новые формы амфор, краснолаковой и стеклянной посуды (43, с. 118-122; 44; 45; 46, с. 30, 34; 47, с. 19, тип Ф; 22).

Пряжки следующего этапа отличаются заметным удлинением язычка, острие которого уже не охватывает передний край рамки, а наклонно выдается вперед (рис. 2, 45, 46). Их оказалось довольно много в могилах Юго-Западного Крыма (22, с. 111, рис. 1; 25; 4; 13; 5; 4; 12; 17; 7; 13; 14; 16; 17; 22-24), прежде они просто не нашли отражения в неполных публикациях. Пряжки с длинным язычком имелись в могилах 16, 17 Харакса, склепах 1, 10, 25, 31 и подбойных могилах 13, 20 Инкермана, склепах 434, 485 Скалистого, могилах 41, 284 у совхоза "Севастопольский". А.И.Айбабин предложил ограничить первой половиной IV в. дату погребений с монетами этого времени и пряжками с коротким язычком; второй половиной IV в. - с монетами, имеющими начальную дату 364 и 379 гг., и пряжками с длинным язычком. К первой половине V в. он отнес комплексы только с некоторыми вещами времени господства гуннов, в том числе могила 421, 485 в Скалистом (рис. 2, 43-45) и 29 в Инкермане. Мне представляется, что первый из этих этапов следует продлить на весь IV в. прежде всего на основании его явной одновременности с основной массой черняховских погребений с территории бывшего СССР и Румынии, до исчезновения которых фактически не появлялись пряжки с длинным язычком, столь обычные для последующей эпохи. Этому не противоречат находки монет только первой половины IV в.: они находились в обращении долго и попадали в погребения с пряжками, имеющими длинные язычки (например, монеты с начальной датой 291, 297, 323, 324 гг. в 16 могиле Харакса, 308 г. в 13 могиле Инкермана). Как показывают более яркие находки этого времени на Боспоре, пряжки с длинным язычком и вещи, выделенные А.И.Айбабиным в этап первой половины V в., тесно взаимосвязаны и одновременны.

На рис. 3 изображены находки из склепов Керчи (обозначены буквой К), Херсонеса (Х), могил у Скалистого (Ск) и Сахарной Головки (СГ). Найдены из каждой могилы отграничены от прочих толстой линией, а внутри тонкими линиями разграничены комплексы отдельных погребений. Одновременные предметы размещены на схеме на близком уровне. Для определения последовательности захоронений важно, что в боспорских семейных склепах гробы ставили сначала в глубине вырубленных в стенах глубоких ниш-лежанок (как на рис. 3, К-165, К-78), затем на пол до тех пор, пока не загораживали ими доступ в склеп. На схеме склепа К-165 (165/1904 г.) залиты черным и заштрихованы (чем раньше, тем

гуще) гробы с хронологически выразительными вещами, прочие оставлены незакрашенными. Видно, что раньше всего туда могли попасть гробы 5 и 10, после них 4, 9 и 6, затем 3 и наконец 1 перед самым входом. План склепа 154/1904 г. не опубликован, но порядок размещения в нем гробов подробно описан В.В.Шкорпилом (рис. 3, К-154). Пряжки с выступающим язычком в керченских склепах "Новиковском" 1890 г. (рис. 3, К-Н), 145/1904, 154/1904 и 165/1904 гг. сопровождалась характерными вещами гуннской эпохи: инкрустированными изделиями и двупластинчатыми дунайскими фибулами с сильно вытянутой ромбической ножкой (Амброз, 1982). Тому же времени присущи звериные головки на язычках пряжек, по мере схематизации часто превращавшиеся в поперечные нарезки. Время заполнения склепа 154, судя по фибулам, падает на всю первую половину V в., а склепа 165 завершилось во второй половине того же столетия, о чем можно судить по привозным дунайским фибулам с накладками из 3 погребения (там же). Возвращаясь к находкам из Юго-Западного Крыма, следует согласиться с А. И. Айбабиным, что маленькие двупластинчатые фибулы из 421, 485 склепов Скалистого и 29 могилы Инкермана действительно сделаны под влиянием образцов V в.

Не следует преувеличивать датирующего значения монет из погребений. С одной стороны, это единственная категория находок, которая имеет дату изготовления. С другой, циркуляция монет подчинялась изменяющимся закономерностям денежного обращения в позднеантичную и раннесредневековую эпохи. Особенно долгий срок хождения имели медные римские монеты. Достаточно вспомнить, что, когда в могиле оказывается несколько монет, разница между начальными датами их выпуска нередко доходит до 50-100, а иногда даже 200 лет. Более того, как показывает известный клад VI в. с. Ильчевского на Тамани, надчеканки времени императора Ираклия (610-641), монеты из могил VII в. в Суук-Су и многие находки во владениях Византии и в ряде стран Европы, медная римская монета III-IV вв. широко обращалась до VI-VIII вв. Прекращение в IV в. ряда местных монетных чеканок (в 342 г. на Боспоре, в 370-е гг. в городах Паннонии) не означало наступления безмонетного периода: сократившиеся потребности внутреннего рынка еще очень долго покрывались за счет ранее выпущенных денег, почему те и оказываются спорадически в весьма поздних погребениях (48). Так что находки в могилах монет первой половины IV в. еще не означают, что дату всех этих могил обязательно надо ограничить тем же временем. Не случайно даже в крымских могилах первой половины V в. найдены лишь монеты IV в., их индикация: 324 г. - в Хараксе; 308, 379 гг. - в Инкермане; 293, 364, 375 гг. - в Керчи; 320 г. - в Заморском близ Керчи. Нигде в Европе вместе с варварскими изделиями времени владычества гуннов вообще не найдены монеты после 379 г. Именно это когда-то дало основание ошибочно считать их догуннскими, якобы оставленными уходившими на запад беглецами.

Поэтому для уточнения абсолютной хронологии важно сравнение с датированными археологическими материалами из других мест. В ближайших к Крыму областях восточноевропейских степей и Северного Кавказа древности IV-VII вв. изучены пока менее систематично, чем в Крыму, в них еще меньше монет, и разработка этих древностей в немалой степени сама зависит от успехов крымской археологии. Затрудняет сравнение и сложившееся на этот короткий период значительное различие "варварской" культуры в оседлом Юго-Западном и Восточном Крыму и в указанных областях. Тем важнее сравнительные материалы из казальсь бы далекого Среднего Подунавья, с которым как раз на это время крымское насе-

ление установило самые тесные связи. Непрерывно развивавшуюся в течение почти всего I тысячелетия н. э. культуру Крыма нелегко разделить на четкие отрезки. А на Среднем Дунае на протяжении V-VIII вв. почти каждые 50 лет сменялись приходившие туда народы и их влияние на местное население. Смена ведущих народов фиксировалась в письменных источниках: в первой половине V в. - гунны; во второй половине V в. - сменившие их готы, руги, скиры, гепиды; в первой половине VI в. расцвели королевства гепидов и лангобардов; в 568 г. их земли заняли кочевники-авары, после 800 г. уничтоженные франками; аварские древности VI-VIII вв. наглядно делятся на три периода, возможно, тоже связанных с новыми поселенцами. Соответственно много раз менялся облик материальной культуры, и потому большинство аналогий из Подунавья имеет узкую дату. Не менее важны датированные аналогии из Италии, где государство остготов просуществовало чуть дольше 50 лет, и из Испании, где вестготы массово поселились с начала VI в.

Опираясь на сравнительные данные, можно четче очертить круг погребений V в., а монеты, пусть даже и "запоздавшие", подтверждают, что местная культура и ее традиции не прервались с началом гуннской эпохи. Находки V в. встречены по всей той области, где в VI-IX вв. существовала "археологическая культура Суук-Су": от побережья до самого северного из ее могильников - Скалистое, непрерывно использовавшегося с IV по IX в. одним и тем же населением. С IV по конец VII в. границы бывшей здесь общности оставались стабильными, и лишь степень изученности обуславливает неполноту информации о некоторых периодах (рис. 4, 5, 6).

Последующий столетний период выделяется пока только по дунайским аналогиям. Второй половиной V в. датируются немногочисленные могилы с маленькими литыми фибулами, украшенными рельефной граненовыемчатой орнаментацией, из Скалистого и Сахарной Головки (рис. 3, СГ-12, Ск-190 т (19, с. 23) и некоторые случайные находки. Хороший комплекс этого времени найден в Херсонесе (рис. 3, Х-14). К первой половине VI в. относятся привозные дунайские фибулы и пряжки из Керчи (рис. 5, 6-8, 10-12; VIII, 4, 5, 7), преимущественно это случайные находки, реже из раскопок. В склепе 152/1904 г. (рис. 3, К-152) привозная гепидская пряжка этого времени и византийский канделябр VI в. находились в первоначальных погребениях, а местные боспорские пряжки и фибулы того же стиля - в последующих, совершенных поверх позднейшей засыпки, то есть попали туда не ранее второй половины VI в., определяя хронологическую последовательность (49, с. 41-47; с. 213, 214; 33, с. 15). В Юго-Западном Крыму первая половина VI в. представлена пока очень невыразительно, возможно потому, что при неполном вскрытии могильников участки этого времени не подвергались систематическим раскопкам (например, вдоль траншеи у Сахарной Головки). Ретроспективно судя по последующему периоду, в это время должны были поддерживаться тесные связи с Подунавьем и интенсивно развиваться художественное творчество, подготовившее дальнейший расцвет местного прикладного искусства.

Со второй половины VI в. сельские погребения Юго-Западного Крыма содержат многочисленный и яркий, сделанный на месте инвентарь: преимущественно крупные женские украшения, характеризующие вполне сформировавшуюся своеобразную археологическую "культуру Суук-Су" (рис. 6). Монеты VI в. из могил исследователи долго связывали со всеми находками из нижнего слоя Суук-Су как с единым целым, ограничивая время их существования одним столетием (второй половиной VI и первой половиной VII в.) или даже меньше. Но чтобы изучать эту

культуру в развитии, надо разделить ее на более короткие отрезки, конкретно связав с ними датирующие монеты. Б. А. Рыбаков первый поставил вопрос о неоднородности могил нижнего слоя Суук-Су и отметил, что парные двупластинчатые фибулы характерны для более ранних могил, а чужеродные местной культуре днепровские пальчатые и зооморфные фибулы - для поздних (30, с. 65, 66). Оказалось плодотворным и предположение Л.А.Мацулевича, что орлиноголовые пряжки с длинным держателем рамки могут быть более поздними, чем с коротким. Он же отметил, что монета Тиберия Маврикия (582-602 гг.) из Кореиза не может датировать пряжки с длинным держателем, поскольку монета того же императора лежала в могиле 77 в Суук-Су с типологически более ранней пряжкой (49, с. 47). В.К.Пудовин в специальной работе подтвердил перспективность поисков в этом направлении. Он предположил, что все могилы с большими фибулами и золотыми вещами более ранние, а могилы без них - поздние, и на этом основании наметил первую развернутую периодизацию нижнего слоя Суук-Су из трех этапов (27). Детализируя классификацию больших фибул и пряжек, А.К.Амброз выделил четыре этапа по материалам нижнего слоя Суук-Су и два - верхнего (28, с. 110, 112-121, рис. 3, 5-8, табл. II; 29). Попытавшись проверить эту периодизацию своим методом "модели В", Б.И.Маршак принял ее основные принципиальные результаты, а расхождения в деталях при тщательной проверке оказались меньшими, чем представлялось самому автору "модели В", обусловленными недостатками этого нового метода, (например, выделение в особый "4-й этап" могил с привозными пряжками типа Сиракузы) или состоянием фактического материала (50, с. 145-151, 174, рис. 33). Наконец, А.И.Айбабин раскопал в Лучистом у Алушты целую серию склепов с многоярусными погребениями конца VI-VII вв., подтвердив и дополнив представления, сложившиеся в ходе предшествующей систематизации находок, подробными данными стратиграфии (24).

Основой, используемой здесь периодизации погребений второй половины VI и VII вв., послужили изменения в форме, размерах и орнаментации больших узорчатых пряжек и двупластинчатых фибул, характерных для местного женского костюма в течение этого времени. Особенно варьировали крупные тяжелые пряжки с выступом в виде головы орла на пластинке. Самым "чутким" в хронологическом отношении признаком оказалась длина так называемого "держателя рамки" - согнутой пластинки, соединяющей рамку пряжки со щитком. У пряжек, находимых по всей Европе, она не превышает 1-1,5 см, и только у орлиноголовых и ромбощитковых пряжек Юго-Западного Крыма держатель постепенно удлинился до 2-3,5 см. В целях разработки хронологии я предложил так подразделить их по длине: 1; 1, 4; 2; 2, 4; 2, 5-2, 8; 3-3,8 см (рис. 6, 1-10.14). О том, что признак не случаен, говорит параллельное изменение орнамента и пропорций щитков: сужались гладкие диагональные перемычки между узорными участками; варьировались форма и расположение рельефных завитков, в конце концов середину щитка заняла крестовидная фигура. На заключительной стадии пряжки достигли 19-20 см в длину. Столь же громоздкие двупластинчатые фибулы можно разделить на экземпляры длиной 20-22; 9-18; короче 8 см (рис. 6, 11, 16, 17, 24) (замеры делаются без учета небольшого декоративного выступа на головке, так как он не всегда сохраняется). Сопоставив эти признаки между собой и с другими находками (рис. 6, 15), я смог выделить по их комбинации четыре периода: I (рис. 6, 2, 3, 11-13), II (рис. 6, 4, 11, 16, 17), III (рис. 6, 5, 16-22), IV (рис. 6, 7-10, 23-34).

Первый период очень компактен по набору признаков и должен быть датирован серединой и второй половиной VI в. по монете Юстиниана I (527-565 гг.),

аналогиям для орлиноголовых пряжек в гепидских древностях 500-568 гг. и для деталей наборных поясов - в византийских находках второй половины VI в. из крепости Садовско-Кале в Болгарии (51, с. 485-491; 52, с. 293-295, рис. 1, 13-15, 64, 65). Удревнить начало периода против традиционной "второй половины VI в." предположительно на середину столетия можно для того, чтобы объяснить перенос в Крым производства пряжек, в 568 г. завоеванный кочевниками. Второй период представлен пока только двумя могилами 77 и 124 из Суук-Су. Он не имеет своих форм фибул и занимает переходное положение между I и III периодами по орлиноголовым пряжкам: именно тогда началось столь характерное для местных вкусов удлинение их держателей до 2 см. Этот кратковременный период датирован монетой Тиберия Маврикия. Одни исследователи считают, что она чеканена в 597-602 гг., другие - в 582-602 гг., но тем не менее она определяет дату могилы 77 и с нею начало удлинения держателей двумя последними десятилетиями VI в. или рубежом VI-VII вв. Тогда последующие периоды III и IV, а с ними большинство могил нижнего слоя Суук-Су целиком относятся к VII в.

В III периоде орлиные пряжки дополнились также большими пряжками со львом или крестом на щитке, сделанными по византийским прототипам (рис. 6, 21, 22). В IV периоде нижнего слоя Суук-Су рельефные пряжки достигли максимальных размеров (рис. 6, 6-10), а гладкие двупластинчатые фибулы, наоборот, минимальных (рис. 6, 24), и появилось много чужеродных Юго-Западному Крыму привозных пальчатых фибул: боспорских (рис. 6, 23), днепровских (рис. 6, 25-27) и славяно-дунайских. Распространились мелкие византийские пряжки (рис. 6, 30-33), есть натальные кресты (рис. 6, 34). Монеты 629-641 и 668-685 гг. из 257 склепа в Эски-Кермене (20, с. 186, 187, рис. 10, 1-3, 5, 10) подтверждают дату IV периода в пределах второй половины или второй трети VII в. (к сожалению, более определенное датирование пока невозможно как из-за малочисленности датирующих монет, так и из-за степени изученности датировок в окружающих областях). Сходство днепровских фибул из Юго-Западного Крыма и Мартыновки на Днепре позволило синхронизировать IV период с временем распространения на Украине поясов с бляхами в форме псевдопряжек, датированных монетами 641-668 гг. из Малой Перещепины (52, с. 293-297, рис. 1, 4-6, 33-36, 70-77). Эти кочевнические пояса (53, с. 17) не привились в Крыму и на Кавказе, но некоторые общие с ними орнаментальные мотивы подтверждают синхронизацию двух названных групп древностей.

Данная намеченная теоретическими методами периодизация нашла, наконец, практическое подтверждение в замечательных раскопках А. И. Айбабина у с. Лучистое, где исследователю удалось подробно проследить стратиграфию многочисленных погребений. Так, в склепе 38 захоронения лежали четыремя последовательными ярусами. Начало использования склепов в первой половине VII в. отмечено орлиноголовой пряжкой с держателем длиной 2,1 см (начало III периода). В следующем по времени ярусе обнаружено четыре днепровских фибулы (две пальчатые и две зооморфные с искаженными головками павлинов), византийская пряжка "типа Сиракузы" (вещи IV периода) и с ними, архаичная для этого времени, орлиноголовая пряжка с держателем длиной всего лишь 1,8 см (такие единичные случаи "запаздывания" фибул и пряжек наблюдались и в Суук-Су). Зато в вышележащем ярусе длина держателей орлиноголовых пряжек, как и следовало ожидать, достигала 2,9 и 3,1 см, и на их щитках имелся обычный для IV периода крестовидный орнамент. В пятиярусном склепе 10 во втором снизу ярусе найдены орлиноголовые пряжки с держателями длиной 2,4 и 2,6 см, пряжка со львом на

щитке и двупластинчатые фибулы, то есть вещи III периода. Пряжка типа Сиракузы у 5 костяка, возможно, относится к началу следующего периода, или же подобные пряжки проникли в Крым несколько ранее, чем можно было предполагать по остальным памятникам. Выше лежали поздняя орлиноголовая пряжка с держателем 3,6 см, две маленькие пальчатые фибулы унайских антов (вещи IV периода) и пара местных двупластинчатых. Судя по византийским пряжкам из последнего яруса, использование склепа 10 закончилось в первой половине III в. (23).

Попытка Б. И. Маршака обособить с помощью метода “модели В” в самостоятельный этап несколько могил IV периода с привозными пряжками типа Сиракузы (рис. 6, 31; 50, с. 147, рис. 33-вклейка) противоречит стратиграфии погребений Суук-Су и Лучистого.

Основанная на выразительном сочетании разнообразных вещей и датирующих монет хронология древностей типа Суук-Су уже со времени публикации (1) находится в резком противоречии с умозрительной, фактически лишенной опоры на монеты и ныне крайне устаревшей традиционной хронологией раннесредневекового могильника Керчи. Последняя была намечена В. В. Шкорпиллом без всякой увязки с археологией эпохи переселения народов. Позднее эта хронология развивалась под влиянием своеобразного “боспорцентризма”, априорного допущения, что всякое сходство между боспорскими, азиатскими и европейскими или даже североафриканскими находками можно объяснить только приносом с Боспора или его влиянием. Получалось, что разноплеменное население сильных варварских королевств гуннов, остготов Италии, гепидов, вестготов, вандалов Туниса, как бы далеко от Крыма они ни находились, ориентировалось только на моды и вкусы боспорцев, не принималось во внимание близкое соседство Рима, Византии, их провинций или Ирана. Ясно, что в основе этого было крайне поверхностное сопоставление археологических материалов.

Стремясь оправдать противоречие между хронологиями восточного и Юго-Западного Крыма, Л. А. Мацулевич чисто умозрительно предположил, что “тип находок Суук-Су не является местным гурзуфским вариантом, а последующим развитием тех же керченских типов” (49, с. 49). Это ничем не доказанное положение до сих пор встречается в археологической литературе. Но, во-первых, оно опровергается тем, что боспорские и южнокрымские фибулы и пряжки представляли разные, соприкасавшиеся “ветви” развития этих украшений, в чем легко убедиться, сравнив рис. 19-12 и 8, 13, 16; 5, 16-20 и 13-15, 21, 22; 7, 8, 15 и 16, 17. Естественно, что сравнивать надо не “общее впечатление”, как это делалось до сих пор, а сопоставлять деталь с деталью последовательно в каждой паре рассматриваемых вещей. Во-вторых, как показывает стратиграфия керченских склепов, не подтвердилось предположение о более ранней дате боспорских находок. Судя по уже упоминавшемуся склепу 152/1904 г. (рис. 3, К-152), собственно боспорское производство рельефных орлиноголовых пряжек и пальчатых фибул началось не ранее VI в., одновременно с Юго-Западным Крымом и позднее, чем у остготов и гепидов. Потом такие пряжки и фибулы широко бытовали на Боспоре в течение почти всего VII в. В керченском склепе 78/1907 г. сначала был поставлен в глубине восточной ниши гроб 13 с обычными геральдическими пряжками второй половины VI-VII вв., а потом, преградив к нему доступ, гроб 12 с парой боспорских пальчатых фибул (рис. 3, К-78, 12, 13). В склепе 180/1904 г. комплект рельефных украшений датирован поясным набором того же времени, как в Чуфут-Кале и других комплексах VII в. из Юго-Западного Крыма (рис. 3, К-180). Это позволяет понять, почему разнообразные боспорские пальчатые фибулы впервые появи-

лись в южнокрымских могилах только IV периода, когда вышли из моды местные двупластинчатые фибулы: оба набора украшений развивались параллельно и независимо от другого, отражая разные традиции и склонности жителей двух областей.

Пользуясь изложенной периодизацией, рассмотрим некоторые особенности материальной и духовной культуры населения Юго-Западного Крыма в IV-VII вв.

Могильники располагались в условиях пересеченной местности: или просто на склонах балок, или на выступающих среди этих склонов небольших холмах. Выбирались места с глинистым грунтом, удобным для рытья могил. Над ними нет следов насыпей. В III-IV вв. иногда сверху делали каменную "вымостку", вернее наброску (в IV в. - Харакс), в VII-IX вв. ставили вертикальную плиту с высеченным на ней крестом. Погребения совершались в простых могильных ямах, в могилах с нишей-подбоем для захоронения в боковой стенке или в земляных склепах. Кроме того, в IV в. иногда кремировали трупы (рис. 8).

Обычай кремации существовал у сельского населения Юго-Западного Крыма очень недолго. Он появился к концу III в., после падения Крымской Скифии, лишь на южпобережье (Харакс, Чатырдаг) и в Инкерманской долине у самых границ Херсонесской хоры (совхоз "Севастопольский", Черноречье, Телеграфные и Федюхины высоты) и исчез в V в. (Харакс, могила 16), безусловно, под воздействием христианства. Большинство погребений - урновые. В одну урну могли помещать прах 1-5 человек, часто взрослых с детьми, причем покойников сжигали вместе и прах складывали в урну неразделенным (9, с. 141). Урнами служили горшки, кувшины, положенные на бок широкогорлые амфоры и специальные каменные гробики-оссуарии с двускатной крышкой (рис. 8, 3-7). Кроме обычной бытовой посуды найдено много привозных античных урн, специально сделанных для погребальных целей. Отверстия керамических урн обычно прикрывались другим сосудом, черепком или камнем. Вещи, которые лишь иногда носят следы огня, и малые сосуды клали в урны или рядом с ними. Часты каменные конструкции: в Инкерманской долине это ящики из плит, служившие семейными усыпальницами, их суррогат - обкладка отдельных урн небольшими камнями, поставленными на ребро (Харакс, Черноречье). В Хараксе над многими урнами обнаружена каменная вымостка (рис. 8; 4), как и над одним из труположений, обычай, вероятно, связанный со скифской традицией первых веков н. э. (54, с. 34). Безурновые кремации, сложенные в ямку, известны пока только в Хараксе. Их инвентарь более обилен и разнообразен: кинжалы, топоры, щит с металлическим умбоном, украшения, пряслица, много монет. Судя по тексту публикации, каменных конструкций в них не было, а отдельные камни, показанные на плане могильника, вероятно, связаны с естественными выходами скалы.

Появление кремаций исследователи пытались связать с приходом славян (31, 32) или готов (36). Но детали обряда, форма урн, каменные конструкции ближе всего к имевшимся у греков Херсонеса (55, с. 21, 50-58), а каменные вымостки - к позднескифским. С римскими обычаями, скорее всего, связано появление в Хараксе орудий труда (рабочий топор, серп, рыболовные крючки). Черняховские, пшевдорские и вельбарские могилы с сожжением совсем иные (56, с. 63, 64, 79, 81; 57, с. 162-164; 58; 59, с. 41-51). Вероятно, появление нового обряда в могильниках Юго-Западного Крыма связано с усилением херсонесского влияния на остатки сельского населения Скифии, избежавшие истребления в середине III в. Если же предположить, что им пользовались и пришедшие с севера варвары, то они быстро

восприняли античные формы этого обряда. Преобладали в сельских могильниках погребения по обряду труположения, помещаемые в могилы различных форм.

Простые могильные ямы прямоугольные, с отвесными стенками и плоским дном, их размеры определялись ростом погребенного и колеблются в пределах 1,6-2,25 м для длины, 0,4-0,8 м для ширины и 0,5-2,8 м для глубины (рис. 8, 11, 25). По изучаемой территории они распространены неравномерно, и никаких закономерностей не замечено. В скифскую эпоху больше всего на севере (Заветное), в VI-VII вв. на южном берегу (Суук-Су), а на севере (в Скалистом) нет совсем. Впрочем, их нет и в южном берегу Лучистом. В IV в. их немного по всей области. Само их преобладание в Суук-Су проблематично, так как там стенки могил плохо прослеживались в грунте. Н. И. Репников предполагал, что многие могилы могли иметь внизу выступы-запечки, на которых держалось дощатое перекрытие могилы, поскольку поверх большинства костяков имелись следы дерева от какого-то (обвалившегося, по его мнению) перекрытия. И действительно, в одной из "простых" могил Эски-Кермена ему удалось проследить запечки в нижней части ямы, на 30 см выше ее дна (60, с. 166). В скифское время и в IV в. (рис. 8, 10) запечки делали вверху ямы и чаще перекрывали такую могилу каменными плитами. Впоследствии каменные перекрытия появились здесь только с конца VII-VIII вв. вне связи с предшествующими. В V-VII вв. в ямную могилу помещали одного покойника, редко двух. Лишь в Суук-Су часть их служила семейными усыпальницами: в 62 ямных могилах этого кладбища находилось по одному костяку, в 23 - по два, в трех - по три, причем 12 из них по составу погребенных (мужчина и женщина, они же с ребенком, двое мужчин и женщина) не отличались от семейных склепов; в прочих же находилось по одному взрослому с ребенком. Судя по составу более ранних захоронений в урнах, это могли быть не только подзахоронения, но и погребения людей, умерших одновременно.

Погребения в низких нишах-подбоях в боковой стенке могильной ямы (рис. 8, 8, 9, 23, 24) совершались в течение всего периода, начиная с I-III вв. Еще в IV в. они преобладали на части могильников (в Инкермане - 26 подбоев, 17 ям и семь земляных склепов (рис. 4, 2), на других были редки (в Озерном III одна из семи могил) или совсем отсутствовали (Харакс). В VI-VII вв. подбой встречались повсеместно, хотя их стало меньше, чем склепов, а в Аромате нет совсем. Нередки подбой в обеих стенках. Дно подбоя расположено то на одном уровне с дном входной ямы, то понижено. Погребальные ниши загоразивались каменными плитами или деревом, яма засыпалась грунтом, а в скифское время часто и камнями. В нише хоронили по одному человеку, но встречаются и семейные захоронения.

Вырубленные в земле склепы служили семейными усыпальницами. Они характерны для многих народов: греков Малой Азии, Северного и Западного Причерноморья, аланов Северного Кавказа и скифов Крыма (61; 55, с. 29-31). В Юго-Западном и Западном Крыму они были распространены в эллинистическую эпоху, в I-III вв. н. э. почти исчезли и вновь широко вошли в обиход в IV-IX вв. Видимо, не случайно в обоих склепах III в. (6 и 77 из Черноречья), в отличие от более поздних (7, 40, 53 там же), было только по одному погребению. Семейные склепы IV-IX вв. состоят из подземной камеры и перпендикулярной к ней входной ямы-дромоса. Их принципиальная схема сохранялась все это время, варьировались только размеры. Склепы вырубались в глиняных склонах. Для более удобного использования дромосы располагались по склону. Более низкая передняя часть была удобнее для спуска (с той же целью дно могли делать наклонным или оставлять земляные ступени), за более высокой находилась погребальная камера. При-

ступая к изготовлению последней, в основании задней высокой стенки дромоса проделывали лаз 40-70 x 45-80 см глубиной 20-70 см и через него вырубали самый склеп. Все стадии работы исследователям удалось проследить по незаконченным сооружениям, которые строители бросили, наткнувшись на выходы скалы. На стенах склепов остались следы рубящего орудия в виде узкой мотыжки.

Камеры склепов IV-VII вв. разнообразны по плану: прямоугольные трапециевидные, овальные, то почти одинаковой длины и ширины, то сильно вытянутые поперек оси дромоса (рис. 8, 11-13, 26, 27). На большинстве кладбищ длина камер колеблется от 1,5 до 3,3 м, ширина 1,3-3,6 м, лишь в Аромате склеп 1 достигал размеров 2,6 x 4 м. Камера, как правило, низкая (0,8-1,5 м), редко выше 2 м, потолок высекали то плоским, то скошенным, то в виде купола или цилиндрического свода. В низких стенах встречаются маленькие ниши для сосудов и светильников, иногда с той же целью у задней стенки склепа вырубали узкую ступень-полку. Вход в склеп, загражденный каменной плитой, располагался то на уровне пола, то выше, иногда от входа внутрь склепа спускались по нескольким крутым ступеням. В отличие от большинства городских склепов Боспора и Херсона, жители Юго-Западного Крыма не делали в стенах склепов глубоких ниш-лежанок для захоронений: погребения располагали только на полу. Иногда под гробы клали камни.

Склепы IV-VII вв. обычно содержали по два-три захоронения взрослых или взрослых с детьми (рис. 8, 15). Обычно считается, что речь идет о последовательных захоронениях, но, как говорилось выше, не надо забывать и о возможных случаях одновременной смерти от болезней. В последующий период VIII-IX вв. стали часты склепы с большим числом захоронений, соответственно увеличились и размеры камер. Но уже отдельные склепы VII в. содержат захоронения 9-10 взрослых и детей (Эски-Кермен, 287, Аромат, 1), а в Лучистом многочисленные костяки лежали даже ярусами.

Погребенные обычно покоятся на спине с вытянутыми руками и ногами (рис. 8). Сообщается, что в Скалистом отклонения от этого правила редки (18, с. 76). Но там, как и на большинстве других памятников, многие погребения нарушены средневековыми грабителями. Пока только в Суук-Су вскрыты широкой площадью и опубликованы 99 неограбленных могил VI-VII вв. со 149 погребениями. Поэтому, несмотря на крайнее положение, этот могильник дает бесценный материал для изучения многих черт погребального обряда раннесредневекового Юго-Западного Крыма. Из 118 полностью зафиксированных склепов 114 лежали на спине с прямыми ногами, причем только у половины из них (60) обе руки вытянуты вдоль тела, у 38 обе кисти сложены на таз, у 13 - одна кисть (почти по ровну - то левая, то правая), у одного костяка левая рука согнута под прямым углом, у одного рука на тазе, левая на груди, еще у одного на грудь положены обе кисти. Один погребенный лежал на спине согнув колени, три - на правом боку с вариациями в положении рук и ног. Все эти позы встречались и у мужчин, и у женщин, известны в Юго-Западном Крыму с I-III вв. (54, с. 35-37), а также во многих археологических культурах самого разного времени. Лишь раз в Суук-Су имелись следы гроба с семью железными гвоздями, обычно же это только следы дерева над покойником: в ямах - от перекрытия, как предполагал Н.И.Репников; в склепах такие следы пока не объяснены. В Скалистом есть следы долбленых колод, которые чаще ставили на подкладки из плоских камней и реже - прямо на землю (48, с. 75). По данным Е.В.Вейсмана, встречены следы кошмы. В склепах Чуфут-Кале, Аромата, реже Скалистого и Сахарной Головки, встречены древесные

угли, которыми обсыпали погребенных или из которых состоит подсыпка под ними, иногда обожжены кости.

В течение III-VII вв. заметно менялась ориентация захоронений. В конце II-III вв. 72% погребенных в Заветном и 77% в Скалистом III положены головой на юго-запад, 80% в Бельбеке II и 95% в Черноречье, напротив, к северо-востоку (54, схема 3). В IV в. большинство могил Инкермана ориентированы к востоку, меньше к северу, совсем редко к западу; в Озерном III они обращены (с отклонениями) к югу и к северу; в Хараксе большинство амфор с кремациями положены горлом к юго-востоку. В раннесредневековых могильниках ориентация погребенных колеблется уже в Западном секторе: так, в Суук-Су 54 костяка обращены головами к северо-западу, 24 - к западу, три к юго-западу, 33 - к северу и один - к югу; на Эски-Кермене - к западу и северо-западу. При этом в IV-V вв. покойников старались класть поперек входа, а в VI-VII вв. - ногами к входу. В Чуфут-Кале и у Сахарной Головки рельеф местности оказался неудобным для правильной ориентации склепов, и покойников пришлось класть головами к входу, чтобы соблюсти их западное направление. Следовательно, западной ориентировке стали придавать особо важное значение, вероятно, под влиянием христианства. Только на самой окраине области, в Скалистом, юго-восточная ориентировка преобладала и в склепах, и в подбойных могилах, независимо от рельефа местности.

Наиболее существенно менялся подбор находимых в погребениях предметов. Орудия труда встречены только в Хараксе IV в. (рабочий топор, серп, рыболовные крючки), на других памятниках они неизвестны. Зато в IV-V вв. резко увеличилось содержание в могилах оружия. Это длинные мечи, кинжалы, редко боевые топоры и щиты с металлическим умбоном (рис. 2, 39-42). Довольно часто меч или кинжал лежали вдоль тела, острием к голове. Во 2 склепе Озерного III справа и слева лежали мечи остриями к ногам и рукоятями у кистей рук, а вдоль плечевых костей - два кинжала остриями к голове (табл. IV-1). Конское снаряжение встречалось редко. Другие находки из мужских могил IV-V вв. - поясные пряжки (нередко по две), петли от портупей, шилья, точила. Фибулы для мужских захоронений, по-видимому, не характерны. Напротив, женщинам клали в могилу фибулы, бусы, зеркала, золотые бляшки и пронизки, шкатулки и ключи от них, иногда пряслица. В подбойной могиле 16 в Инкермане женщине была положена импортная провинциальная фибула с выступами в виде луковичных головок (22, рис. 3, 22), в самих же провинциях она была принадлежностью только мужского костюма. В могилах IV-V вв. много посуды: узкогрудые амфоры, блюда, миски, чашки, кувшины, стеклянные стаканы и кувшинчики (рис. 2, 13-51), иногда уцелевали и деревянные сосуды. Есть следы заупокойной пищи: кости животных, яичная скорлупа.

В мужских погребениях VI-VII вв. оружие и тем более орудия труда крайне редки. В склепах 56, 80, 118 Чуфут-Кале уцелели среди разграбленного инвентаря наконечники стрел, в склепе 80 - еще обрывки кольчуги и пластины от железного шлема. Там же, в склепе 44 Сахарной Головки, кинжал лежал у стенки ненарушенного склепа в ногах группы погребенных мужчин и женщин. Все это оружие относится к VII в. К какому времени в пределах IV-IX вв. относятся "железные мечи, стрелы" из Скалистого, В. Н. Корпусова не указывает. Еще реже встречается конское снаряжение: удила и детали сбруи в подбойной могиле у Сахарной Головки и обломки удил в 257 склепе Эски-Кермена (с монетой 668-685 гг.) - обе находки VII в. Мужчин обычно хоронили в повседневной (не специальной погребальной) одежде, от которой сохраняются лишь пряжки узких поясов и следы

подвешенных к ним сумок (рис. 8, 16, 19, 21). Наиболее систематический и хорошо сохранившийся материал мужских погребений VI-VII вв. дает Суук-Су (44 захоронения). Почти треть погребенных (12) имела элементы наборного воинского пояса - чаще отдельные металлические детали, реже полный их набор - и более половины (27) - наборы из железного огнива и кремней для высекания огня, находившиеся, по-видимому, в сумках-кошельках у пояса. Эти вещи лежат чаще на тазу, реже у левого (5) или правого бока. Что здесь была именно сумка, говорят лежащие иногда там же монеты, медные рыболовные крючки, обломки свинца. Дважды среди камней встречены неолитические орудия, один раз - скифский трехгранный медный наконечник стрелы, возможно, амулет. Есть детали привозных византийских сумок (62). Судя по Суук-Су, сумка с набором для зажигания огня входила только в костюм мужчины, женщины их не носили. Возле сумки или на другом боку к поясу подвешивался нож. В отличие от керченских могил, здесь очень редки (2 раза) пряжки для обуви. Как исключение, трое мужчин из Суук-Су имели медный браслет на правой (2) и левой (1) руках, четверо других - одну серьгу справа или слева (у одного две разные серьги (рис. 8, 19)). Это не случайность: в IV-VII вв. воины многих народов Евразии носили браслеты и серьги. Наконец, у одного мужчины был перстень и у одного (при наборном поясе и кошельке) - два обычных в женском наряде медных колокольчика на груди. Может быть, это дар покойному от женщины? Впрочем, бубенчики встречались у мужчин и в IV в. Таким образом, мужчины носили в IV-VII вв. узкий пояс с пряжкой, иногда наборный с бляхами и подвесными ремешками (рис. 6, 12, 18-20, 28-33; VII, 20-37, 40-77), часто с прикрепленным к нему ножом и кошельком. Иных металлических украшений в их костюме почти не встречено.

Напротив, женский костюм VI-VII вв. изобилует украшениями из металла, стекла и камня, причем их подбор явно регламентирован обычаями. И здесь наиболее показателен материал Суук-Су, остальные памятники дополняют и подтверждают его данные. В Суук-Су раскопано 46 погребений взрослых женщин и 15 погребений девочек (распределение по полу везде дается на основании закономерностей распределения инвентаря, так как антропологические определения по Юго-Западному Крыму очень малочисленны). Без различия возраста женский костюм включал бусы, серьги, браслеты, перстни. Но лишь взрослые женщины могли носить столь характерные для Юго-Западного Крыма широкие (до 7 см) пояса с большой тяжелой узорной пряжкой и парой столь же крупных фибул на плечах узкой пластиной вверх (рис. 6, 2-11, 16, 17, 21-27; 8, 15, 17-20, 22; 1, 9-12; 5, 16-25; 7, 8-15). Этими фибулами закалывали верхнюю одежду, вероятно, плащ (Н. И. Репников наблюдал остатки холста на многих фибулах), и их вытянутые заостренные концы торчали вверх по обе стороны груди и плеч. Из 46 женщин на 35 были эти громоздкие украшения: 19 - в полном наборе из пряжки и двух фибул, 16 - или пряжку или фибулы, лишь 10 - мелкие украшения и узкие пояса с небольшими пряжками (рис. 4, 3). Последние встречались и при широких поясах, вероятно, для скрепления верхней и нижней одежды. Мелкие фибулы в VI-VII вв. (рис. 1, 14, 15; 5, 26) употреблялись редко: в склепе 153 женщина, наряду с широким поясом, имела византийскую подвязную фибулу на правом плече, а в могиле 155 две византийские фибулы были на плечах девочки. Итак, большинство женщин погребено в дорогом парадном костюме. У многих сбоку висел нож, вероятно, как вещь, необходимая во время еды, поскольку каких-либо орудий женского труда (пряслиц, иголок, ножниц) в могилах нет (единственный глиняный предмет в форме пряслица входил в состав ожерелья и был, возможно, просто

глиняной бусой). Нет и туалетных принадлежностей (один раз - кусок румян, и один раз - зеркало). Более фрагментарно, из-за разграбленности могил, та же картина повторяется по всей территории Юго-Западного Крыма: у Сахарной Головки, в Чуфут-Кале, Скалистом, Аромате, Баштановке, Эски-Кермене.

В могилах VI-VII вв. очень мало посуды. Например, в Суук-Су на 149 погребений она имелась только в девяти, в большинстве случаев у головы погребенного. Это кувшинчики, горшочки, краснолаковые блюда (рис. 2, 67-79), один раз кувшин накрыли блюдом. Посуда стояла возле скелетов мужчин, женщин и ребенка. Если в боспорских погребениях преобладала стеклянная посуда, то в Юго-Западном Крыму ее меньше, чем глиняной. Это флаконы, рамки из Суук-Су, Сахарной Головки, Чуфут-Кале, Скалистого и других памятников. Скалистое выделяется обилием глиняной и стеклянной посуды, там сохранились и выточенные на токарном станке деревянные тарелки IV-VIII вв. По сравнению с IV-V вв. заметно постепенное исчезновение в могилах бытовых вещей, в основном находят только детали костюма. Это ограничение могильного инвентаря, безусловно, связано с влиянием христианства. Вместе с тем, многочисленные примеры из разных областей Европы показывают, что официальное исповедование христианской религии "варварскими" народами подчас столетиями уживалось с сохранением языческого обычая класть в могилы не только украшения, но и оружие, инструменты, бытовую посуду и заупокойную пищу. Крым в этом отношении не был исключением.

Самые массовые находки в крымских могильниках - принадлежности костюма и украшения. Развитие металлических пружинных застежек женской одежды - фибул - связано в IV-VII вв. с влиянием поселившихся в Крыму пришлых народов. В IV в. это фибулы черняховской культуры, вытеснившие в Крыму местные северопричерноморские. Из них наиболее скромно выглядели прогнутые подвязные, изготавливаемые во второй половине III в. из толстой проволоки (рис. 2, 1), в IV в. из сильно уплощенной ее полоски, декорированной фигурными выемками по краям (рис. 2, 16). Нарядными были черняховские двупластинчатые, состоявшие из двух фигурных щитков, соединенных дужкой (рис. 2, 17). Они стали основой развития фибул V-VII вв., причем в V в. все этапы их эволюции представлены полно только на Среднем Дунае, на территории современных Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии (42, с. 76-91). Там ювелиры, обслуживавшие разноплеменную верхушку гуннского государства, создали пышные варианты массивных двупластинчатых фибул, обложенных золотом и красными камнями, достигавших в длину 11-22 см. Изменились и пропорции таких крупных фибул, их ромбическая пластина по сравнению с образцами IV в. стала сильно вытянутой. Сделанные по заказу варварской знати Подунавья, они редки в Восточной Европе (Нежин, Поршино, Синявка), а в Крыму найдены только в керченском склепе 154/1904 г. (рис. 3, К-154). Крымские подражания им обычно небольшие, в соответствии с местными вкусами, и потому часто их трудно отличить от изделий IV в. (Скалистое, склепы 421, 485; Инкерман, могила 29; Заморское в Восточном Крыму, могила; Керчь, склепы 145/1904 г., 165/1904 г., "Новиковский" 1890 г. и др.; рис. 2, 43, 44; 1, 2, 3, 6).

Со второй половины V в. заостренная часть ромбической "ножки" еще более вытянулась, а у концов дужки появились узорчатые накладки. Инициаторами нововведения снова были дунайские мастера, а Крыма постепенно достигли лишь его отзвуки. Обломки одного привозного комплекта массивных дунайских фибул найдены только в Керчи, в склепе 165/1904 г. (рис. 3, К-165, 3), и там же - про-

стенное местное подражание из тонкой пластины (рис. 3, К-165, 6, сверху). В Юго-Западном Крыму двупластинчатые фибулы второй половины V в. пока не найдены. О том, что они были, говорит их развитое более позднее местное производство середины и второй половины VI в., массой деталей связанное с дунайскими прообразами второй половины V в. На самом Дунае таких фибул в VI в. уже не было. Судя по находкам середины и второй половины VI в., фибулы с накладками стали обязательной принадлежностью парадного костюма женщин Юго-Западного Крыма (рис. 6, 11). Они громоздки - достигали в длину 22 см. Щитки их угловаты, острый конец продолговатой пластины еще более вытянут и вычурно вырезан (рис. 1, 9). Тисненные из тоненьких листов металла средние накладки имитируют массивную рельефную резьбу, а литые прочные накладки у основания декоративных выступов еще сохраняют следы первоначальной композиции из двух орлиных голов и звериной морды (рис. 1, 9, 10) - обычную деталь гораздо древних дунайских фибул второй половины V в. (63). Ничего подобного не было на Боспоре (рис. 1, 8, 13). Но для всего крымского производства двупластинчатых фибул, в отличие от дунайского, характерно применение тонкой, как бумага, пластины металла. Маленькие керченские фибулы не теряли от этого прочности, а под большие южнокрымские приходилось подкладывать толстый медный каркас (рис. 1, 9, 12). Западнее такого приема мы не увидим.

В середине и второй половине VI в. этнографической общности Суук-Су достигли двупластинчатые фибулы максимальных размеров, а затем начались их уменьшение и деградация. В первой половине VII в. они уменьшились до 9-18 см, во второй половине VII в. стали короче 8 см (рис. 6, 11, 16, 17, 24; 1, 9, 11, 12). Одновременно исчезали рельефные накладки, звериные головы сменились плоскими выступами, сложно очерченная "лопатовидная" ножка превратилась в простую треугольную. Большие фибулы обязательно носили парами, позднее часто по одной. Некоторые из них литые. К концу VII в. двупластинчатые фибулы исчезли совсем, знаменуя утрату местным женским костюмом "варварского" своеобразия.

Другую разновидность раннесредневековых фибул Крыма принято называть "пальчатыми", потому что их полукруглая пластинка с пятью радиальными выступами немного похожа на растопыренную кисть руки. В основе их - те же две пластинки и дужка, как у двупластинчатых, но они массивные, литые и обычно сплошь покрытые рельефным узором. Судя по самым ранним образцам, выделяющимся высоким качеством и сложностью декора, они созданы позднеантичными мастерами рейнских и дунайских провинций для заказчиков - варваров в середине и второй половине V в. и были быстро освоены и упрощены ремесленниками этих народов. Из крупных очагов нового стиля, расположенных в Порейне, Скандинавии и в Подунавье, важнейшим для Крыма оказался дунайский. Самые ранние из найденных на Боспоре пальчатых фибул привезены оттуда (рис. 5, 6): их легко узнать по величине, особо тщательной гранчатой резьбе и бордюрам из заполненных чернью мелких треугольных выемок - неизменной особенности именно западного ремесла V-VII вв. В первой половине VI в. на Боспор попало много западных пальчатых фибул, сделанных готами северной Болгарии (рис. 5, 7), Италией (рис. 5, 9), гепидами Румынии (рис. 5, 11, 12) и в пока не установленных дунайских центрах (рис. 5, 8, 10). Вероятно, тогда же возникло и боспорское производство (рис. 5: 6 13-15, 21, 22). Оно не выработало своих оригинальных форм изделий, фибулы лишь немного отличаются от западных своими пропорциями, упрощенностью декора, а главное, бросающимся в глаза единообразием внут-

ри каждого варианта, что может объясняться устойчиво налаженным производством немногими мастерами в пределах одного города.

В Юго-Западном Крыму ко второй половине V в. относятся единичные миниатюрные литые фибулы с простейшей гранено-выемчатой резьбой из ромбов и треугольников (рис. 3, СГ-12, Ск-190; рис. 5, 1, 2). Вероятно, привезенные с Дуная, они не оставили никаких следов в местном ремесле последующего времени. Настоящие пальчатые фибулы здесь долго не пользовались признанием. Только когда в VII в. привычные двуластинчатые фибулы стали выходить из моды, местные женщины вдруг увлеклись экзотическими пальчатыми, которые стали добываться повсюду - на Боспоре, Среднем Поднепровье, Нижнем Дунае (рис. 6, 23-25-27). Если бы такие украшения делали на месте, часть их неизбежно приобрела бы какие-то местные особенности. Так как этого нет, они скорее всего привозные. Среди них меньше всего боспорских фибул, они найдены пока только в приморских могильниках Гурзуфского амфитеатра, что, возможно, указывает на морской путь их проникновения. Разные боспорские варианты представлены здесь по одному разу (как на рис. 5, 13, 15, 22), и всегда вместе с вещами VII в., подтверждая их широкое бытование в столь позднюю пору, установленное по находкам на самом Боспоре (рис. 3, К-152, К-78, К-180).

Среди пальчатых фибул Юго-Западного Крыма заметно преобладают антские из Среднего Поднепровья (рис. 5, 16-20, 23-25) и даже с Нижнего Дуная (20, рис. 10, 4; 63, рис. 13, 17, 18, 19, 1, 2). Совершенно необоснован распространенный взгляд, что они делались по боспорским образцам и появились в Крыму. Это две разные, сугубо локальные ветви в развитии фибул. В отличие от мелких и упрощенных по исполнению боспорских, антские сохранили многие черты их общих западных прообразов. Они обычно крупные, у острия ромбической ножки часто имеют парные головки птиц или заменяющие их округлые выступы, у основания ножки - следы когда-то располагавшихся там склоненных профильных звериных голов с широко разинутой пастью (рис. 5, 16; 9, 99-114; 17, с. 259, рис. 5, 4, 8-10), неизвестных в искусстве Боспора (рис. 5, 13-15, 21, 22). Изображения завершающей ножку большой звериной головы в фас (рис. 5, 16, 19, 23-25; 9, 56-59, 69-71) тоже наиболее сохранили традиции исходных образцов (как на рис. 9, 39-50) и не могут происходить от значительно более упрощенных и деградированных боспорских (рис. 5, 13-15, 21, 22; 9, 61, 62, 64-67). Все факты указывают на то, что фибулы днепровских антов имели образцами не упрощенные боспорские, а гораздо более сложно украшенные дунайские. В VI в. на Нижнем и Среднем Дунае сложились две области изготовления пальчатых фибул с ромбической ножкой. Из них гепидские фибулы превратились к тому времени в столь же узко локальную форму, как и боспорские (например, рис. 5, 11, 12). Черты былого высокого стиля дольше сохранились в производстве фибул у мало изученных этнографических групп готов, осевших в некоторых районах Болгарии (рис. 5, 7, возможно, 8). Они и послужили одними из основных прообразов днепровских фибул, в ходе контактов продвигавшихся на Дунай антов (ср. рис. 5, 6-8 и 16, 23, 24). Против предположения о южнокрымском происхождении днепровских фибул (64, с. 464, 465) говорит даже то, что они не приспособлены к местному костюму, и женщинам приходилось составлять нужные им пары из разных фибул (30, с. 64-66).

Антские фибулы нижнедунайских вариантов найдены три раза при раскопках А. И. Айбабина в Эски-Кермене и Лучистом - в комплексах второй половины VII в. (63 а, рис. 20, 2, 4, 6). Еще одна известна из Херсона.

В отличие от пальчатых, днепровские “зооморфные” фибулы (рис. 6, 27; 5, 17, 18) гладкие, их основной декоративный эффект основан на фигурном контуре. Чтобы ясней показать место южнокрымских экземпляров в общей эволюции этого украшения, кратко изложу результаты своих поисков, не вдаваясь в историю вопроса. Ключевое значение имеет фибула из знаменитого Мартыновского клада в Поднепровье, хранящаяся в Британском музее (5, табл. 34, 3). Она явно повторяет форму пальчатых, вплоть до спирального орнамента, но сделана мастером, совершенно не знакомым с канонами изготовления таких вещей и потому свободным от сковывающего влияния традиции. Странные длинношеи головы при внимательном рассмотрении оказались павлиньими, а парные кружочки при них - хохолками из двух перышек. Понятно, почему обычная ромбическая пластина стала одутловато-овальной - так мастер передал форму туловища павлина. Обычную композицию из трех головок на острие ромба (как на рис. 5, 6, 7; 9, 22, 23) он превратил в пышную пальметту, большую звериную морду с раздутыми ноздрями (как на рис. 9, 43, 45, 56, 67, 69) - в мужское лицо с волосами, остриженными в скобку. Спиральный узор гравирован и дополнен широкими перистыми листьями вроде пальмовых. Все это выдает руку мастера-южанина, вероятно, византийца. Новшество явно понравилось антам, открывая путь их фантазии, оно вызвало многочисленные подражания. Непонятный жителям Поднепровья хохолок павлина превращался ими то в голову змеи (Блажки 5, табл. 34, 2), то в ноздри млекопитающего, тонкий клюв - в рога козла. Но неестественно длинная изогнутая шея побудила, наконец, превратить “козла” в коня - с этого момента в производстве зооморфных фибул началась определенная стандартизация (5, табл. 34, 4-10), и новое украшение продержалось около 200-300 лет, быстро вытеснив пальчатые фибулы в Поднепровье.

Эта гипотеза позволяет объяснить всю пестроту форм зооморфных фибул и противоречия в их развитии. Реален ли такой путь от единичного и случайного к общему? Ведь народное прикладное творчество только кажется безличным, на самом деле в нем всегда играли определяющую роль отдельные мастера, давая начало новой традиции. При этом становилось традицией, “шло в тираж” только то, что отвечало запросам времени. В истории “молодых” народов наступил момент, когда складывающиеся идеологические представления требовали более совершенной формы для своего воплощения. Так, архаическое искусство эллинов или скифский звериный стиль нашли исходную форму на Востоке, германский звериный стиль - в поздней античности. Днепровские анты сначала пытались приспособить для своих нужд готовую символику пальчатых фибул Подунавья, как оказалось недостаточно гибкую и богатую для них. Экзотичные изделия “мартыновского” мастера открыли более широкий путь для фантазии антов, стали отправной точкой в создании новой традиции. Новое направление быстро соединило в один поток все прежнее разнообразие антских пальчатых и двупластинчатых фибул - отсюда такая пестрота их ранних образцов, невозможность выстроить их в единый последовательный эволюционный ряд.

В Юго-Западном Крыму найдены лишь ранние зооморфные фибулы, по декору примыкающие к работам “мартыновского” мастера. В 131 могиле Суук-Су одна из фибул столь же обильно (но грубо) гравирована, имеет искаженно прорисованные головки павлинов и перистые листья; у второй видны по две насечки на хохолках (рис. 5, 17: 2, рис. 131, 133). Догадаться о сюжете изображений можно при сравнении с фибулой из Мартыновки. По две насечки и три зубчика между ними - след хохолка - имеют головки на фибулах из Чуфут-Кале (рис. 5, 18) и

Лучистого (раскопки А. И. Айбабина). Причудливо смешаны признаки пальчатых и днепровских двупластинчатых фибул (от последних - треугольная и лопатообразная пластины). Антских фибул конца VII-VIII вв. здесь уже нет, так как мода на них в Крыму прошла.

Совсем малочисленны византийские подвязные фибулы (рис. 1, 14, 15), происходящие из Подунавья (65. рис. 1.7-13, 15) и доходившие на востоке до района Новороссийска (Дюрсо).

Детали ремней составляют еще одну важную группу находок в могильниках. Уже говорилось, что в IV в. это были довольно разнообразные, сравнительно небольшие пряжки, которые отличались сильно утолщенной спереди рамки и так называемым хоботковым толстым язычком, почти не выступающим вперед за рамку (рис. 2, 18, 19). По форме и составу металла эти пряжки местные, появились в Крыму и оттуда попали в соседние области. В гуннскую эпоху, в V в., их рамка не так резко утолщена спереди, зато язычок выдается далеко вперед (рис. 2, 45, 46; 10, 1, 2, 4, 7-11). Как и в III-IV вв., пластинки пряжек прямоугольны, треугольны, овальны, круглы.

В V - первой половине VI в. весьма сильно различались пышные украшения знати и подражавшие им (подчас с опозданием) скромные вещи тех же форм для рядового населения. Так как в Юго-Западном Крыму могилы знати еще не найдены, многое помогает лучше понять сравнение с Боспором, Ювелирное новшество V в. - пышный декор из цветных, в основном красных вставок. Дорогие инкрустированные пряжки хорошо представлены в Керчи (рис. 10, 2-4, 6, 8, 9). С V в. появились звериные головки на остриях язычков: у них оскалена зубастая пасть, сморщена переносица, тяжелые надбровья, длинные прижатые уши, намеченная штрихами грива (рис. 10, 8, 10). На Боспоре и Дунае такие же головки есть на золотых браслетах и шейных гривнах (рис. 9, 3-13). Тщательней сделанные, они позволяют отвергнуть распространенное мнение, что мастера хотели изобразить змей или крылатых драконов (рис. 9, 4, 11). На рис. 9, 11 ясно видны уши, а не крылья, показана даже выемка в них. У "дракона" на рис. 9, 4 уши лишь более схематизированы, а загадочный зигзаг под ними - не "ноги", а свисающие клочья длинной шерсти, как на львиных фибулах из Шимлеул Сильваней в Румынии и на браслетах с Киевщины и из Бакодпусты в Венгрии (рис. 9, 7). Именно эта клочковатая грива служит доказательством, что варварские мастера хотели изобразить не "змею", а льва - популярный мотив позднеантичного прикладного искусства, но имели об этом животном весьма туманное представление. В Юго-Западном Крыму единственная большая пряжка V в. со схематической головкой "льва" найдена Е. В. Веймарном в подбойной могиле 431 в Скалистом (рис. 2, 46).

Ввоз в Крым византийских деталей поясов начался уже во второй половине V в. (рис. 10, 12, 13), а в VI в. значительно увеличился (рис. 10, 17-19, 28, 31, 32). Пряжки с рубчиками на щитке (рис. 10, 18, 19) найдены у Сахарной Головки и в Скалистом, их точную дату еще предстоит выяснить, но уже ясно, что в течение VI в. они бытовали. Простые проволочные пряжки того времени маловыразительны, как и наконечники ремешков (рис. 10, 30).

Со второй половины VI в. здесь появились первые "геральдические" пряжки и бляхи поясов, условно названные так потому, что часто имеют элемент в виде заостренного гербового щита (рис. 10, 17, 28, 33, 36, 37, 40, 43, 46 и др.). Другой важный их признак - видимость очень массивных вещей при минимальной затрате металла. Для этого выпуклые широкие рамки пряжек снизу вогнуты, полые; у

пластин согнуты вниз высокие закрини, чтобы пластины казались толще (рис. 10, 21, 27, 28). Позднее массивные на вид вещи просто штамповались из тонкого листа металла. Геральдический стиль возник в византийских владениях по Нижнему Дунаю. Особенно много там пряжек типа Суцидава, лишь раз найденной у Сахарной Головки (рис. 10, 17), хотя их, по-видимому, немало было в соседнем византийском Херсоне. Гораздо важней для ремесла Юго-Западного Крыма оказались наборные воинские пояса, украшенные металлическими бляхами. Типологически самый ранний из них найден в Болгарии, в слое пожара рубежа VI-VII вв. среди развалин византийской крепости Садовско-Кале. И точно такие же бляшки (рис. 10, 28), вместе с более грубыми подражаниями (рис. 10, 31, 32), входили в поясной набор из склепа 54 в Суук-Су. Тот в свою очередь тесно связан редкой формой бляшек (рис. 10, 29) с поясом из склепа 56, датированным монетой 526-565 гг.

Наборные пояса обкладывали металлическими бляшками разных форм и часто снабжали свисающими короткими ремешками с металлическими наконечниками (рис. 10, 31). Застежками служили пряжки с полой снизу, обычно В-образных очертаний рамкой. Археологи немало спорили о происхождении таких поясов, многие хотели искать их родину у кочевников, приводя лишь самые общие соображения умозрительного характера. На самом деле наборными поясами разных видов пользовались многие народы Евразии, кочевые и оседлые, поэтому, говоря о генезисе данной конкретной формы, надо искать и конкретные прототипы. Пока самые ранние геральдические пояса найдены во владениях Византии и несут явный отпечаток позднеантичного искусства металлообработки: уже в провинциальных изделиях IV в. можно видеть фигурно вырезанные края пластин (рис. 10, 27, 28), характерные отгибы наружу у основания рамок (рис. 10, 33-35, 40, 43, 44). Все эти черты сохранены мастерами VI в. К сожалению, малочисленность находок в провинциальных могильниках V - первой половины VI в. не позволяет пока проследить промежуточные звенья. К тому же в VI в. геральдические пояса связаны пока только с дунайской частью империи и появились, вероятно, как смешение византийских и варварских вкусов в среде местных военных поселений. Кстати, уже римские легионеры первых веков н. э., судя по многочисленным изображениям, носили наборные пояса с бляхами и свисающими ремешками.

Итак, во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму появились первые наборные воинские пояса, заимствованные из дунайских владений Византии. В VII в. развернулось их широкое местное производство. У многих пряжек рамки стали шире, а прорезь для продевания ремня уже в сравнении с общей поверхностью предмета (ср. рис. 10, 20, 21 и 33, 34, 38, 39, 41). Выработались новые варианты ранее известных бляшек (рис. 10, 28 и 71-73; 23, 24 и 75; 25, 26 и 63-66; 31; 32 и 47, 48), появились новые формы (рис. 10, 49-53, 68, 69, 77). Продолжающееся византийское влияние можно наблюдать в предметах с орнаментом из "точек и запятыг" VII в. (рис. 10, 37, 46, 54). В Керчи найдены золотые бляхи с инкрустацией из бус на проволоке, возможно, тоже византийской (или иранской?) работы (рис. 10, 50, 60-62, 70), золотые звериные или имитирующие их тисненые бляшки (рис. 10, 56-58). Совсем маленькие, тисненные золотом бляшки "под зернь" встречены и на поясах из Суук-Су. В VII в. на юге Восточной Европы вошло в моду украшать поясные бляшки цветной инкрустацией. Драгоценные золотые образцы найдены среди украшений высшей кочевнической знати (Малая Перещепина, Келегеи, Кунбабонь Пуста, Тепе и др.), попроче встречаются в Керчи (рис. 10; 51) и на Северном Кавказе. Изготавливая пояса рядовых воинов, масте-

ра для достижения цветового эффекта делали в бляхах особенно широкие прорезы (рис. 10, 48, 52, 53, 68, 73, 75), чтобы сквозь них виднелась ярко окрашенная кожа ремня.

Наборные пояса были обнаружены во многих мужских могилах Юго-Западного Крыма. Статистика возможна пока лишь для Суук-Су. Там 12 из 44 открытых раскопками мужских костяков VI-VII вв. имели полные наборные пояса или их отдельные детали (в том числе из трех мужских погребений второй половины VI в.). Отсутствие наборного пояса, а возможно, и помещение в могилу его обрывка с одной - двумя бляшками, могло объясняться как влиянием христианства, так и тем, что в это время вообще избегали класть в могилу предметы воинского обихода.

В VII в. в быт обитателей Юго-Западного Крыма вошло множество разнообразных мелких византийских пряжек (рис. 10, 78-85), одинаковых по всей территории империи от Крыма до Северной Африки. На одних изображены кресты, на других - растительные мотивы (66). Характерен способ соединения их рамки с пластиной при помощи отдельной оси, продеваемой сквозь выступы-колечки (рис. 10, 82, 83), своеобразна форма язычков (рис. 10, 83). В Подунавье и Италии известны византийские пряжки от сумок, скрепленные в одно целое с поперечной петлей для ремешка, заканчивающегося трубчатым наконечником (62), они известны у Сахарной Головки и в Суук-Су (рис. 10, 84, 85). В Аромате найден вариант такой пряжки, изготовлявшийся кочевниками-аварами на Дунае (рис. 10, 86). К концу VII в. крымские геральдические пряжки вышли из моды, их полностью сменили общевизантийские.

Парадные женские пояса VI-VII вв., судя по их металлическим деталям, были широкими, достигали в ширину 7 см и застегивались большой тяжелой пряжкой (рис. 7). Тенденция к сильному увеличению размеров женских украшений появилась в V в. среди варварской знати Подунавья, а в Крыму сначала коснулась Боспора, где существовала богатая прослойка местной знати, в отличие от слабо дифференцированного в социальном отношении Юго-Западного Крыма. Ранний период ношения широких поясов представлен в Крыму только привозными с Запада образцами высокого качества, что объясняется участием в их изготовлении квалифицированных провинциально-римских мастеров. Таковы две находки из Керчи: одна - с узором из овальных углублений и инкрустацией из серебряных гвоздиков на рамке (рис. 7, 2), вторая - массивная, с прекрасной гранчатой резьбой (рис. 7, 1). В Ялте случайно найдена серебряная пряжка, богато орнаментированная толстыми линиями черни и позолоченная (рис. 7, 3; 6). В центре ее щитка - солнечная розетка с конскими головками - интернациональный мотив, представленный в V в. также на глиняном блюде из Кишкунмайша в Венгрии; по краю щитка видны искаженные античные пальметтки; на язычке - рельефные головки человека и барана. Формой и техникой декора эта пряжка связана с находками из Подунавья. В Скалистинской могиле 431 обнаружена довольно большая бронзовая пряжка со звериной головкой на острие (рис. 2, 46, но вся тыльная часть ее язычка покрыта косыми полосками, изображающими львиную гриву). Уже в V в. наметилось важное различие в обычаях народов: в Среднем Подунавье, Западной Европе и Крыму крупнее были пряжки женских поясов, в степи и на Кавказе - мужских. Широкими были также пояса римских солдат, поздние образцы которых неожиданно послужили прототипами женских пряжек у западных варваров раннего средневековья.

В первой половине VI в. для прикладного искусства Крыма оказался важным расцвет королевств остготов в Италии и гепидов на Среднем Дунае с их очень своеобразным искусством. Выше уже упоминалось о притоке в Крым их украшений, которые пока не найдены в Юго-Западной его части, за исключением Херсонеса. Впрочем, известна прекрасная серебряная пряжка (рис. 7, 7), купленная когда-то у антикваров с мало достоверным указанием на "Гурзуф" (4, табл. VIII, 1). Но такие вещи сюда безусловно попадали, судя по их глубокому влиянию на последующее развитие местного прикладного искусства. Гораздо больше подлинных привозных вещей высокого качества известно на Боспоре. Итало-готские, такие как пряжка с двумя орлиными головками из склепа 163/1904 г. среди них редки (рис. 7, 6; 68, с. 143-145 табл. 69; 77, 2, 3). Зато много рельефных пряжек, сделанных гепидами, обитавшими когда-то на территории Румынии, восточной Венгрии, югославского Срема (древнего Сирмия) и в малом числе на юге Франции. Там гепидские женщины носили пряжки с большой орлиной головой (51, с. 486-496, 523; 69, 70, с. 20, 21, 50, 51). Предшествовавшие им маленькие пряжки делались там уже в V в. На рис. 7, 4, 5 - примеры гепидских пряжек, попавших на Боспор и украшенных рельефным орнаментом, позолотой и инкрустацией. В Крыму они чужды местному ремеслу V-VI вв. и по форме, и по стилю, и по технике изготовления, в частности, по наличию столь обычных на Западе бордюров из мелких треугольников черни, что отмечал уже Л. А. Мацулевич. Зато близкие аналогии первой пряжке известны в Румынии и Франции, второй - в Югославии.

Исследователи все же чисто умозрительно предполагают, что гепидские пряжки обязательно должны быть сделаны на Боспоре (который якобы один располагал достаточно развитым ремеслом для их производства) по образцам более простых местных и вывезены на Запад. Но достаточно внимательно сравнить собственно керченские, с их грубо искаженным орнаментом (рис. 7, 16, 17), и гепидские, чтобы убедиться в обратном. В ювелирном искусстве тенденция чаще всего такова - от высококачественных изделий к упрощенным и удешевленным подражаниям, а не наоборот. Главное же - стратиграфия комплексов: ведь гепидская пряжка была найдена в одном из разрушенных ранних захоронений боспорского склепа 152/1904 г., поверх которых на насыпной земле погребена женщина с керченской пряжкой (рис. 3, К-152). Уже из этого видно, что гепидские пряжки древнее боспорских. Судя по комплексам, последние находились в употреблении уже после крушения гепидского королевства: со второй половины VI и весь VII в. (рис. 3, К-180).

Привозные гепидские пряжки двух форм послужили образцами для широкого крымского производства. На Боспоре преобладали пряжки с треугольным выступом (рис. 7, 16), в Юго-Западном Крыму - с трапециевидным (рис. 7, 8, 15). Уже одно это различие заставляет отвергнуть распространенное до сих пор, ничем не обоснованное предположение, что пряжки Юго-Западного Крыма - позднее подражание боспорским. У них различна вся система орнаментации щитков и рамок, в частности, широкие гладкие диагональные полосы на южнокрымских щитках - такие же, как на гепидских (рис. 7, 4, 8, 15) - неизвестны на собственно керченских. Боспорские пряжки, как и фибулы, - небольшие, орнамент на большинстве сделан небрежно (рис. 7, 16), формы очень стандартизированы. Многие пряжки отлиты, вероятно, с одной модели, различаясь материалом (серебро, бронза) и наличием или отсутствием цветных вставок (рис. 7, 18-21). При идентичности щитков (заметной по повторяющимся грубым ошибкам в орнаменте) цилиндрические гнезда для вставок то высверлены и заполнены камнями, то не вы-

сверлены и имеют сверху гладкую поверхность, иногда украшенную циркульным орнаментом или отлитой из металла имитацией выпуклой вставки (рис. 7, 18-21). Местные пряжки с трапециевидным выступом на Боспоре редки (рис. 7, 17). Орлиноголовые пряжки Юго-Западного Крыма крупнее гепидских прообразов (рис. 7, 8), и с течением времени их делали все большими, а пластинчатый держатель между щитком и рамкой - все длиннее (рис. 6, 2-9; 7, 15). Удлинение держателя, не наблюдавшееся нигде больше, безусловно связано с каким-то особым местным способом закреплять конец пояса так, чтобы он не закрывал узорчатых частей пряжки. Ранние пряжки наиболее сходны с гепидскими (рис. 7, 4, 8), у поздних в центре щитка появилась крестообразная фигура (под влиянием христианства?), и декор уже сильно изменился (рис. 7, 15).

Очень интересны большие пряжки с ромбической пластиной, представленные пока поздними вариантами не ранее второй трети VII в. Пряжки с фестонами по краю (рис. 7, 14) имеют прототипом среднедунайские пряжки второй половины V в. с рядами птичьих головок вдоль краев (33, с. 20, рис. 3, 9-11). Их декор в Крыму сильно искажен, лучше всего сохранила исходную форму звериная голова с цветными вставками на месте надбровий и переносицы. Крымские мастера добавили два человеческих лица у широкого основания пластины: бородатое и безбородое - возможно, мужское и женское.

Пряжки с ромбической пластиной второго типа имеют у основания большие звериные головы в профиль с широко раскрытой пастью, а по краям заостренной части пластины - парные фигуры лежащих зверей (рис. 7, 13). Их композиция вплоть до мелочей характерна для скандинавского искусства первой половины VI в., так называемого I Северного звериного стиля (с. 33, с. 17-20, рис. 3, 1-8, 12; 17, с. 249-261, рис. 2-5). Три более ранние пряжки с такими изображениями найдены в Венгрии, Польше, Италии и сделаны в первой половине VI в., вероятнее всего, гепидами (68, с. 138-142, 332-334, рис. 40, табл. 47). Наверное, тогда же, в VI в., их производство переняли мастера Юго-Западного Крыма, но до сих пор найдены лишь поздние реплики VII в. в Суук-Су, Артеке, Чуфут-Кале и Скалистом, которые даже длиной держателя рамки отличаются от изделий VI в. На крымских пряжках детали скандинавского орнамента то переданы удивительно точно, то искажены до неузнаваемости. Это естественно. Местные мастера и заказчики видели в Северном зверином стиле прежде всего красивую экзотику и, стремясь передать общее впечатление от иноземного декора, произвольно варьировали непонятные мелкие детали, что и приводило к полной деградации символики таких изделий при сохранении внешне эффектной формы. Впрочем, как показал Э. Бакка, подобное происходило тогда даже в одном из основных центров звериного стиля - Англии, при переносе датских образцов. Ключющие орлы по сторонам скалистной пряжки (рис. 7, 13) никогда не встречаются в композициях I стиля и перенесены крымским мастером с совсем иных дунайских пряжек второй половины V в. (17, с. 256, рис. 5, 2-4), что является еще одним примером связей крымских и среднедунайских мастеров.

Рассмотренные здесь многочисленные фибулы и пряжки из Юго-Западного Крыма и Боспора характеризуются общностью рельефной орнаментики. Следует коснуться ее генезиса. Вот что писал по этому поводу Ф. Энгельс в своих трудах "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и "К истории древних германцев": "В Британском музее хранятся застежки из Керчи, на Азовском море, рядом с совершенно одинаковыми, найденными в Англии; можно подумать, что те и другие сделаны в одной мастерской. Стиль этих работ - часто при доволь-

но резких местных особенностях - в основных чертах тот самый на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии (71, с. 374). Они настолько единообразны, что "застежки, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли бы выйти из той же мастерской, что и английские и шведские, и они столь же несомненно германского происхождения" (2, с. 142). Ф. Энгельс говорит и о "первоначальных римских образцах", с использованием которых возникло это искусство (71, с. 374).

Сейчас имеется большое число фундаментальных работ, рассматривающих эту орнаментику во всех подробностях как по отдельным районам, так и в целом, начиная с известной книги Б. Салина (73). Специально изучены и римские прототипы второй половины IV - первой половины V в. и прослежена их постепенная переработка древними германцами (74). Здесь нет возможности подробно остановиться на этих результатах. На рис. 9 показаны некоторые детали из имеющегося в археологической литературе громадного сравнительного материала. На четырех верхних рядах видно, как орнаментальные мотивы и техника их исполнения, применявшиеся при изготовлении широких воинских поясов из Западных римских провинций были использованы в переработанном виде для украшения древнегерманских женских фибул и пряжек V-VI вв. При этом чуждые, чисто античные мотивы (грифоны, львы, фантастические морские существа и лики морских божеств) переосмыслены и приспособлены к потребностям новых заказчиков. В новой среде прежние мотивы были дополнены крупными головами зверей в фас с характерными нависшими надбровьями, сморщенной от оскала переносицей и подчеркнутыми ноздрями (рис. 9, 33-50). В отличие от скандинавских, готские мастера почти не изображали целых фигур зверей, заменив их орлами (рис. 9, 17-24), возможно, под влиянием христианства. Сарматам, аланам и народам степей и Кавказа этот стиль совершенно чужд. На Северном Кавказе известна одна импортная боспорская фибула и несколько крайне упрощенных имитаций пальчатых фибул (рис. 9, 72, 73), да отражающие моду гуннской эпохи головки на остриях пряжек (рис. 9, 15, 16). Северокавказские брошки в форме птичек не имеют аналогий в Крыму (рис. 9, 38). Лишь анты на короткое время заимствовали готские пальчатые фибулы, но быстро полностью их переработали.

Как отмечал Ф. Энгельс, внутри зоны рельефной орнаментики имелись выраженные локальные особенности. Разные народы и племена делали свои излюбленные варианты одних и тех же украшений. Из них крымские рельефные фибулы и пряжки обнаруживают самое тесное сходство только с готскими (наблюдаемое по всей территории расселения этого народа от тетракситов на Востоке до вестготов в Испании) и гепидскими, указывая на существование в V-VI вв. тесных связей с этими народами в короткий период их могущества. Ряд исследователей в бывшем СССР и за рубежом чисто умозрительно считали, что европейский центр распространения таких вещей был на Боспоре, откуда в ходе великого переселения народов готы разнесли их по всему континенту (75, 76). Но Крым слишком далеко находился от тех областей, где могло произойти заимствование и усвоение исходных западно-римских образцов для этих изделий. Ремесло Боспора было в V-VII вв. чисто местным, оно не снабжало фибулами и пряжками даже прилегающие районы Крыма и Кавказа. Наконец, Б. Салин уже в 1904 г. показал, что декор боспорских рельефных украшений (рис. 9, 26-29, 30, 32, 61, 62, 64-67) не первоначален, а вторичен, деградирован и был лишь повторением и упрощением дунайского (13, с. 33, 124-129, 193). За прошедшее с тех пор время

его оппоненты противопоставили конкретному анализу лишь несколько общих фраз (77; 78, с. 42, 43, 79, с. 15, 154, 155 и др.).

Местные женские украшения испытали и влияние Византии. Под его воздействием сложились многочисленные пряжки для парадных поясов, украшенные крестом или львом на гладком фоне (рис. 6, 21, 22; 7, 10, 11). От гото-гепидских их отличает не только стиль, но резко сужающийся вперед язычок. Среди их образов можно назвать меньшую по размерам пряжку из склепа 62/1909 г. в Херсонесе (19, с. 31, рис. 2, 8). Большие "византизированные" пряжки были широко распространены в Юго-Западном Крыму в первой половине VII в. параллельно с рельефными орлиноголовыми, а потом вдруг исчезли, хотя мода на широкие пояса еще долго сохранялась. Интересно, что пряжки с крестами и львами совсем не обнаружены на Боспоре. Пряжки с непонятным орнаментом в центре резного щитка (рис. 7, 12) могли быть подражанием западным (рис. 7, 7; 68, табл. 2, 1), изготовлявшимся италийскими ремесленниками для готов. Может быть не случайно исчезновение гладких пряжек с крестом совпало по времени с появлением крестов на наиболее излюбленных здесь пряжках с орлиноголовой и ромбической пластинами (рис. 6, 7-10).

Естественно возникает вопрос, почему так много говорится о заимствовании, где же собственные формы украшений? В эпоху великого переселения народов характерны далекие связи, объединение общими чертами обширных территорий, внутри которых локальное художественное творчество выражалось в создании местных вариантов широко распространенных излюбленных форм. Так было не только в Крыму, но и во многих частях Европы. Именно поэтому возможно сравнение вещей из очень удаленных районов, в другие эпохи между собой не связанных.

Женский костюм VI-VII вв. дополняли серьги, браслеты, перстни, бусы, подвески. Из серег наиболее нарядны проволочные с напущенным многогранником (рис. 2, 51, 55). Это украшение очень характерно для эпохи переселения народов и массово встречается от Испании до Дагестана, причем только у оседлых народов, степняки таких серег не носили. Из предположений об их происхождении мне кажется наиболее обоснованным то, согласно которому они появились в начале V в. у населения римских провинций и с другими провинциальными элементами вошли в искусство оседлых народов гуннского государства (68, с. 164-165; 80, с. 325). В Юго-Западном Крыму они большие, с крупным полым многогранником, заполненным для прочности желтоватой мастикой и инкрустированным пластинками альмандина или стекла. Декор золотых экземпляров дополнен треугольниками мелкой зерни и филигранью. Единично такие серьги уцелели от разграбления в могилах Сахарной Головки, Эски-Кермена, Чуфут-Кале, обычны в Лучистом. В Суук-Су пять комплектов происходит из случайных находок, остальные - из плановых раскопок, поэтому только в последнем случае возможна статистика. Золотые и медные серьги с инкрустированным многогранником - деталь полного парадного убора с парой фибул и большой пряжкой: в Суук-Су шесть таких погребений вообще не имели серег, девять содержали серьги с многогранником и только в двух были серьги других типов. Иное соотношение в неполном парадном уборе: восемь - без серег, один раз - с большими многогранными серьгами и шесть - с мелкими серьгами иных типов. Более простые серьги с маленьким массивным многогранником найдены в Суук-Су только один раз и дважды у Сахарной Головки. Обычны также маленькие серьги в виде колечка с перевернутой вниз острием пирамидкой из зерни (рис. 2, 56-58). Таким образом, в Юго-Западном Крыму не

было в VI-VII вв. своих специфических форм серег, а лишь варианты повсеместно распространенных типов. Столь же обычны простые браслеты со слабо утолщенными концами, чаще не орнаментированные, перстни со вставкой и без (рис. 2, 7, 63-64). Как правило, женщины носили браслеты на обеих руках, по одному и более. В ожерельях преобладают янтарные бусы разной величины и формы, есть хрустальные, разноцветных стеклянных обычно немного. В ряде находок их дополняют золотые "городки" - треугольные подвески из соединенных трубочек, бронзовые колокольчики (рис. 2, 61-62).

Находки оружия в могильниках Юго-Западного Крыма резко увеличились в IV в., а к VI-VII вв. почти исчезли. Отрывочные сведения о них становятся полнее при сопоставлении с боспорскими аналогиями.

Мечи IV-V вв. имеют довольно массивный обоюдоострый клинок почти равномерной ширины, сужающийся близ конца, его длина колеблется от 40 до 80 см, ширина - от 4 до 6 см: обычно, чем меч короче, тем уже (рис. 2, 40, 41). Черенок для рукоятки откован вместе с клинком, крестовин нет, но на части мечей и кинжалов верхняя часть лезвия примерно на 1 см ниже рукоятки, имеет с двух сторон симметричные вырезы длиной 0,9-1,2 см - лучше всего они прослежены и описаны в Озерном III (10, с. 250-251), но есть и в Инкермане (рис. 2, 41, 42). Назначение вырезов не установлено, возможно, они предназначались для задержки скользящего вдоль лезвия вражеского клинка. Кроме Крыма, клинки с вырезами обильны на Северном Кавказе. Кинжалы с лезвием длиной от 25 до 36 см и шириной 4-6 см отличаются от мечей только длиной (рис. 2, 42). Следы ножен не прослеживались, поэтому способ подвешивания не установлен. Иногда около клинков бывает по две пряжки, возможно, от портупей. В керченских склепах 181/1902 г. и 179/1904 г., содержащих захоронения с вещами IV и V вв. (44 рис. 5-6) имелись мечи с такими же клинками примерно 80 X 6 см и треугольный кинжал 28 X 6 см с боковыми вырезами вверх лезвия. На два меча надеты низкие крестовины, немного выступающие за края клинка.

Остатки ножен уцелели на парадном мече с драгоценной отделкой, найденном кладоискателями в богатых склепах 24 июня 1904 г. При длине около 80 см его клинок узкий - 4-5 см. Рукоять мечей такого типа, судя по древним изображениям, была длинной; на ее конце сохранились две призматические обоймы, верх увенчан наверху в виде золотой "катушки" со шляпкой из белого камня и золотым, усаженным темно-красными камнями колпачком. Меч имел высокую, слабо выступающую за клинок крестовину, ножны обложены золотыми декоративными обоймами. На верхнюю часть ножен накладывалась узорная скоба, сквозь которую продевали ремень портупей, как это было принято в III-VI вв. в Риме и на Востоке. Характерен и наконечник ножен в виде более широкой коробочки с загнутыми внутрь на деревянную основу краями. Металлические детали обложены золотой перегородчатой инкрустацией с красными камнями и вкраплениями зеленой пасты (рис. 11, 1а, б). Пропорции клинков заставляют отнести и этот меч и широколезвийные к разным традициям. В Керчи найдены и остатки кинжалов того же времени с "катушковидными" навершиями, типичными для оружия первой половины I тысячелетия н. э. у многих народов Евразии (рис. 11, 2а, Б). Есть упоминания об обломках мечей или кинжалов из склепов VII в. у Сахарной Головки и в Керчи (раскопки Ю. А. Кулаковского, 1891 г.). Со второй половины VI в. у кочевников и народов Востока существенно изменился способ подвешивания ножен: ремни портупей стали закреплять за парные P-образные, обычно окованные металлом, выступы скобу ножен, и меч висел теперь в более удобном наклон-

ном положении. Две подобные находки попали в дореволюционное время в музей от керченских торговцев древностями (рис. 11, 20-21).

Железные наконечники стрел найдены в Юго-Западном Крыму в Скалистом и в склепах VII в. 56, 80, 118; в Чуфут-Кале. По сведениям В. В. Кропоткина, они трехлопастные массивные. Интересно, что при обилии мечей и кинжалов в могильниках IV-V вв. Инкерман, Озерное III, Харакс там нет стрел. Зато в Керчи обнаружены стрелы и костяные обкладки лука V в. (рис. 11, 5-7). По сравнению с ними, боспорские стрелы VII в. гораздо крупнее, появляются новые формы, представленные также в степи (рис. 11, 22, 23). Наконечник копья найден в Керчи. При раскопках на античных поселениях слоев, относимых археологами к рубежу IV-V вв., эпохе вторжения гуннов, встречаются крупные костяные наконечники стрел, которые принято связывать с античным известием о стрелах с костяными остриями у гуннов. Могу лишь сказать, что в степных могилах гуннской эпохи все стрелы - железные.

Металлические детали щитов IV в. открыты в Хараксе и Озерном III: это круглые выпуклые умбоны, оковки края щита и железная облицовка рукояти (рис. 2, 39). Гораздо чаще остатки щитов IV-V вв. находят в могилах Боспора (рис. 11, 8-10). Долго имело хождение мнение, что обычай класть в могилу щит, да и сами щиты с умбонами принесены на Боспор в Южный Крым готами. Едва ли это так, поскольку для готов повсюду было характерно погребение мужчин без оружия, а щиты с умбонами издавна состояли на вооружении римской армии. Кстати, такие высокие "стоговидные" умбоны, как в богатых боспорских склепах V в., изображались римскими мастерами в придворных сценах с императорами Констанцием II и Феодосием I и, следовательно, были известны и в других частях империи.

Шлемы и доспехи хорошо известны в Крыму по изображениям первых веков н. э., а рассматриваемый период представлены только образцами VII в. Упоминаются обрывки кольчуги и пластины от железного шлема из 80 склепа Чуфут-Кале (14, с. 110). Защитное вооружение VII в. лучше всего характеризуют находки из керченского склепа, раскопанного в 1891 г. Кулаковским Ю. А. (81). Там были разнообразные железные пластины, соединявшиеся кожаными ремешками в гибкую бронированную одежду, не сковывающую движений воина (рис. 11, 24-28). Имелись два шлема с подвесными железными нащечниками и кольчужным назащельником (рис. 11, 29, 30). Один - наборный из каркаса и больших пластин, другой - из налобника, полусферического завершения с трубкой для султана и большого числа узких пластин. Оба типа шлемов и доспехов хорошо известны по находкам и изображениям V-VII вв. по всей Евразии от Корен до Италии (82; 83). Таким образом, воины оседлых районов Крыма были вооружены и имели тяжелые доспехи по последнему слову тогдашней военной техники. Редкость подобных находок в могилах объясняется не столько их ценностью, сколько влиянием христианства и, возможно, также общеготского обычая хоронить без оружия.

Конское снаряжение встречается крайне редко на кладбищах Юго-Западного Крыма IV-VII вв. Мелкие обломки железных удил IV в. сохранились в одном из воинских захоронений Озерного III. Намного чаще оно в боспорских могилах как III, так и V в., представлено частями роскошных сбруйных наборов (рис. 11, 11-19) и даже деревянными седлами, уникальными для этой эпохи, о которых, к сожалению, не сохранилось конкретных сведений. Сбруя V в., по-видимому, восходит к римским традициям. В VI-VII вв. оформление конского снаряжения подверглось степному влиянию. У Сахарной Головки найден набор из удил с вось-

меркообразными концами, с очень характерными для этого времени псалиями, уздечными геральдическими пряжками с треугольной пластиной, бляшками, обтянутыми тисненным золотым листком и усаженными вставками зеленоватого стекла (рис. 10, 39; рис. 11, 31, 32, 35, 36). Подобный набор хорошо представлен на Северном Кавказе (в частности в Дюрсо) и был обычен в Крыму, судя по бляшкам из крымской коллекции Одесского музея и находке в керченском склепе 160/1904 г. вместе с геральдическими пряжками обломка псалия той же формы (но головкой грифона, рис. 11, 33) и характерных для степных могил шиповского типа чешуйчатых обивок седла с бордюром из оттисков З-образного штампа (рис. 11, 34; 53, рис. 3, 24-53).

В археологической литературе мало говорится об уровне социального развития населения Юго-Западного Крыма IV-VII вв., нет четких критериев для его определения. Для суждения недостаточно отдельных показателей, таких как безынвентарность могил, наличие в них оружия или ценных вещей. Надо ожидать, что углубляющееся расслоение общества должно выражаться в его поляризации, когда основной, постепенно беднеющей массе населения противостоят немногочисленные вооруженные и богатые. Такой процесс шел здесь, вероятно, в I-III вв., поскольку большие сельские могильники содержат весьма скромный инвентарь, в них почти нет оружия, тогда как по находкам можно предполагать наличие знати в Неаполе. С гибелью скифского царства картина вдруг изменилась: во всех сельских могильниках IV-V вв. появилось много оружия. Высказывалось предположение, что Инкерманский могильник занимает особое положение: в нем чрезвычайно мало женских погребений, он был "кладбищем дружинного типа, где похоронены воины и их слуги" (7, с. 42). Но если отнести к мужскому инвентарю оружие, пряжки, огнива, точила, а к женскому - пряслица, бусы, фибулы, зеркала, серьги, золотые бляшки и пронизки, шкатулки и ключи от них, то получится, что в Инкерманском могильнике 18 мужских и 16 женских могил (рис. 4, 1, 2), а остальные 21 или полностью разграблены, или не содержат определяющего пол инвентаря и могут быть как мужскими, так и женскими. По составу погребенных Инкерман не выделяется среди прочих кладбищ, не выделяется и по находкам. Не меньше было оружия в Хараксе, Озерном III, склепах IV в. из Черноречья и Заветного. Речь может идти не о выделении дружин, а о всеобщей вооруженности сельского населения, об исчезновении намечавшихся ранее черт общественной поляризации. Поскольку кладбища I-III и IV-V вв. оставлены фактически одним населением, ясно, что изменились обычаи, роль военного дела в повседневной жизни. Учитывая, что это произошло у самой границы римского Херсонеса, следует предполагать превращение уцелевшего в период войн III в. местного населения и присоединившихся к нему пришлых "варваров" в некое военизированное буферное образование между Херсонесом и степью, находившееся на субсидиях со стороны Рима. То же происходило в это время вдоль всей римской границы на Севере, Востоке и Западе, а археологически хорошо прослежено Ю. Н. Вороновым в Апсилии. Подобное устройства искусственно консервировало черты военной демократии, временно тормозило социальное развитие. Первое письменное свидетельство о военном союзе с Византией местного формально независимого населения и об архаическом строе его жизни относится уже к середине VI в. В то время оружие уже не клали в могилы по религиозным причинам, но есть другие, не менее выразительные признаки, археологически подтверждающие письменные данные.

Ссылаясь на отсутствие в могильниках VI-VII вв. оружия, В. И. Равдоникас приписал их “крестьянскому слою феодальной Крымской Готии, которому не свойственно было иметь постоянное вооружение”, (18, с. 37), не объяснив отсутствие в них и орудий труда. (18, с. 38). Считая могильники крестьянскими, он одновременно полагал, что все бывшие в них произведения прикладного искусства освещали “быт и вкусы высших слоев общества”, по которым недопустимо изучать “массовую культуру низших классов” (18, с. 39). А. Л. Якобсон на основе рассказа Прокопия о стране Дори считал, что в VI-VII вв. в Юго-Западном Крыму еще господствовала соседская территориальная община свободных земледельцев, но что центр этого района находился в византийском Херсоне (79, с. 10), не сделав, впрочем, из последнего предположения логически следующего вывода, что тогда Юго-Западный Крым прямо вошел бы в развитую общественную структуру Византии. О. И. Домбровский считает, что в Суук-Су “пышные полуязыческие погребения были оставлены, скорее всего, представителями охристианившейся знати союзных Византии варваров”, оседавшими вокруг византийского поселения (35, с. 53).

Для оценки степени имущественной и общественной дифференциации из опубликованных памятников наиболее широкую картину дает Суук-Су, а прочие, где материалы VI-VII вв. фрагментарны, подтверждают ее. Как уже говорилось, в Суук-Су раскопаны 149 захоронений VI-VII вв., из них только 18 не содержали вещей. На опубликованном плане северного раскопа семь безынвентарных погребений лежали довольно компактной группой возле семейной могилы 5, относящейся к концу периода (рис. 4, 3, 4). Учитывая дальнейший рост количества безынвентарных погребений в последующий период, можно предположить, что отсутствие в могилах VII в. инвентаря связано не с объединением населения, а с углублением влияния Византии и христианства, хорошо заметным археологически. Еще небольшое число могил содержит только по одной пряжке и могло принадлежать мужчинам. Инвентарь остальных довольно однороден. 35 из 46 взрослых женщин захоронены в парадном уборе, включающем большие массивные вещи из серебра, украшенные мелкими гранатами. Большинство женщин имело ожерелья из привозных бус. Десять женщин похоронены с наборами из ожерелий, браслетов и перстней без крупных украшений, зато у двух они дополнены золотыми серьгами. Так что неполнота парадного убора погребенных не может считаться признаком неравноправия: его состав определялся обрядовыми причинами. Из названных 149 мужских, женских и детских захоронений VI-VII вв. золото имелось в 21, причем полный парадный убор женщин далеко не всегда включал изделия из этого металла. Найденные в могилах ценные вещи говорят скорее о достатке, чем о богатстве: золотые вещи тонки или невелики, мелкие алманиды сравнительно недороги. Вероятно, тогда не был дорогим и янтарь, так как он обилен в могильниках Северо-Западного Кавказа, Абхазии и Башкирии. Равномерное распределение ценностей среди большинства погребенных подтверждается анализом опубликованной части плана Суук-Су: если не считать лежащих компактной группой трех могил второй половины VI в., то на кладбище VII в. могилы с золотом и парадным убором равномерно рассеяны по всей площади (рис. 4, 3). Наконец, из 44 мужчин 12 имели полные наборные пояса или их элементы. Таким образом, население, которому принадлежало кладбище в Суук-Су, зажиточно и почти не дифференцировано в имущественном и социальном отношении. Аналогична картина и на других памятниках, если учесть фрагментарность информации из-за разрушенности большинства их могил древними грабителями. Показательно и срав-

нение с могильником Боспора, где найдены гораздо более ценные вещи V-VII вв., принадлежавшие знати, раскопаны участки некрополя знатных семей, и лишь скудность данных о захоронениях рядового населения лишает общую картину желательной отчетливости.

Изучение погребальных памятников проливает некоторый свет и на особенности заселения изучаемого района. Погребений V-VI вв. находят при раскопках очень немного. Например, в Суук-Су с уверенностью можно отнести к середине и второй половине VI в. всего 12 захоронений (три мужских, семь женских, два детских) из пяти могил, около 12 к V в. на раскопанной части Инкерманского кладбища. Мало их в Скалистом и у Сахарной Головки. Даже если делать поправку на частичную изученность памятников, все равно представляется, что поселения V-VI вв. были маленькими, объединявшими по несколько семей. Большинство из раскопанных в Суук-Су 149 погребений относятся к VII в., вероятно, за это столетие размер поселений значительно увеличился. Могильники горного Крыма обычно расположены по склонам узких долин и, по-видимому, соответствовавшие им поселения контролировали сеть проходивших там путей. На южном берегу население сосредоточивалось по склонам ряда повышающихся к горам амфитеатров, разделенных перпендикулярными морю возвышенностями. Естественно, условием обживания были источники питьевой воды. В Кореизе и Лучистом могильники открыты в верхней части склонов, далеко от моря, в Ялте ниже. В Гурзуфском амфитеатре могильники обнаружены пока вдоль моря: Суук-Су, Артек (в дореволюционном имении этого имени у Аю-Дага), Тоха Дахыр. Судя по столь разнообразному расположению кладбищ, вероятно, все пригодные для экстенсивного земледелия участки, снабжавшиеся водой, были равномерно покрыты редкой сетью небольших селений. Лишь незначительные части ее вскрыты изучением могильников.

Примерно ту же картину рисуют письменные данные около 560 г. Население лежавшей здесь "области Дори" - сельские жители ("более всего они любили жить всегда в полях"), достаточно искусные в земледелии, "которым они занимаются собственными руками" (84, с. 2), то есть, не применяя в сельском хозяйстве ни труда рабов, ни зависимых земледельцев из своей среды, на что правильно указал О. И. Домбровский. Даже то, что "гостеприимны они более всех людей", подчеркивает патриархальность местного общества. Иногда исследователи напрасно ищут в рассказе Прокопия о Дори литературные штампы, идущие от Тацита. Сведения византийского автора точно совпадают с данными археологии. Могильники Юго-Западного Крыма принадлежали свободным земледельцами, еще не подвергшимся заметной имущественной и социальной дифференциации. Их общество искусственно застыло на уровне военной демократии на то время, пока Византия, заинтересованная в существовании такого буферного военизированного образования между Херсонесом и степью (рис. 4, 5, 6), могла его "подкармливать" и, возможно, снабжать оружием. Вместе с тем Юго-Западный Крым формально не зависел от Херсона и Византии: еще в 704 г. Юстициан II бежал от херсонцев в Дорос (85, с. 62, 163). Слабое развитие местной экономики подчеркивается тем, что получаемое извне золото и серебро шло, в основном, на громоздкие женские украшения и затем уходило в землю в качестве погребального инвентаря.

Данные об идеологии местного населения немногочисленны. Сведения Прокопия о давнем христианстве выселившихся на Кавказ готов-тетракситов, по-видимому, относятся и к родственным им обитателям Юго-Западного Крыма. На женских поясных пряжках VII в. часто изображены христианские кресты, но эти

пряжки - лишь подражание византийским. Во второй половине VII в. кресты появились и на традиционных вещах не византийских форм; в некоторых женских могилах были нательные крестики (рис. 2, 65, 66). Последние входили в состав ожерелий, но это не дает основания сомневаться в их культовом назначении: в самой Византии кресты тоже входили в ожерелья (Мерсинский клад VII в. из Малой Азии). Часть каменных надгробий с крестами из Чуфут-Кале и Сахарной Головки могут относиться к VII в. Христианству не противоречат обильные украшения в могилах женщин, детали наборных поясов и сумочки с огнивом и деньгами у мужчин - просто те погребены в парадной одежде. Зато нет орудий труда, почти нет оружия, редка бытовая посуда и заупокойная пища. У многих народов христианство вообще долго уживалось с обычаем класть в могилы бытовую утварь и оружие (франки, гепиды, апилы, славяне, литовцы). Не противоречат нормам христианства и погребальные сооружения: например, земляные склепы обычны в христианском Боспоре и иногда имеют религиозные надписи, принадлежат, возможно, церковной знати (склеп Савага и Фаиспарты). О дохристианских представлениях говорит декор рельефных женских украшений с головками зверей и птиц, но уже, вероятно объединенный и "засушенный" нормами новой религии (впрочем, на Западе есть много примеров его объединения с христианскими изображениями). К концу VII в. этот народный декор исчез под воздействием углубившейся византизации.

Этническая принадлежность могильников Юго-Западного Крыма определялась по-разному. Сначала ни у кого не вызывало сомнения их отнесения к готам, основанное на свидетельствах письменных источников и большом сходстве находок с западными (1, с. 1; 86 и мн. др.). Более того, это определение выдержало многократную проверку на практике, так как именно сравнение с данными широких планомерных раскопок Суук-Су позволило зарубежным ученым убедительно разделить остготские древности Италии от лангобардских и сыграло определенную роль в истолковании вестготских древностей Испании (87, 88). Изрядно запутало вопрос привлечение стадиальной теории, широко использовавшей ошибочное положение М. И. Ростовцева о том, что европейская культура эпохи великого переселения народов по сути была сарматской. В "стадиальных" построениях Л. А. Мациулевича анализ конкретной иконографии изображений подменялся анализом их сюжетов, распространенных по всему свету (таких, как птица, рыба, змея). В. И. Равдоникас утверждал, что крымские готы как "безусловная историческая реальность" сложилась на месте, в Северном Причерноморье, в результате, "конечно, не миграции, а автохтонного процесса" от киммерийцев и энеолита через скифов и сармат, что "сарматизация-готизация" это то же, что феодализация (78, с. 45-87, 92), что соотношение готов в Крыму и на Западе еще нуждается в выяснении (178, с. 92).

В последние десятилетия вопрос о смешанности и многокомпонентности населения этого района стало возможно рассматривать с привлечением результатов новых исследований в области древностей как сарматских и позднескифских, так и эпохи переселения народов. Часть исследователей стала склоняться к тому, что в V-VII вв. Юго-Западный Крым должен был делиться на две зоны с разным населением: предгорную и южнобережную (89). Кроме пока не конкретизированных предположений о расселении скифов и тавров в раннем средневековье, главным аргументом служит гипотеза о размещении упомянутой Прокопием Кесарийским готской страны Дори только на южном берегу, поскольку открыты остатки оборо-

нительных стен на перевалах Главной Крымской гряды, и их можно было бы предположительно считать “длинными стенами” на границах этой страны (90; 91).

Обратимся к фактам. Из этнических компонентов отчетливее всего в ранне-средневековом Юго-Западном Крыму выделяется все-таки готский: он документирован и археологией, и письменными данными. При рассмотрении вещевого материала могильников уже говорилось, что Юго-Западный Крым и Боспор были самыми восточными пунктами распространения орнаментированных изделий, основная область применения которых лежала гораздо западнее: между Испанией и Болгарией с одной стороны и Норвегией и Италией - с другой. В пределах этой огромной территории Крым был связан очень избирательно только с теми сравнительно небольшими и удаленными друг от друга “островками”, где остановились в V и VI вв. разбросанные великим переселением народов части готского народа: везиготы в испанской Кастилии, остготы в северной и средней Италии, “малые готы” в северной Болгарии, группы готов Дори и на Боспоре в Крыму, тетракситы в Северо-Восточном Причерноморье. Для них в VI в. характерны большие парные двупластинчатые фибулы с узорными накладками (Испания, Дори, Боспор, тетракситы), парные пальчатые фибулы с полукруглой и ромбической пластинами (Испания, Италия, Болгария, Боспор), пряжки с прямоугольной пластиной от широких поясов (кроме тетракситов). Другие народы этих вещей в VI в. не носили. Также обычай хоронить женщин в парадном костюме с парой крупных фибул на плечах и подпоясанных широким поясом, известный в V в. у разных народов на Среднем Дунае в VI в., остался только у готов во всем пространстве их расселения. Даже ближайшие родственники готов гепиды, жившие в Семиградье и по Тисе, имея близкие украшения, очень редко придерживались старого обычая, чаще помещая фибулы в области таза погребенных, как прочие германцы VI в. Гепиды хоронили мужчин с оружием, готы - почти никогда этого не делали. Особенностью гото-гепидской ветви рельефной орнаментики было и преобладание изображения птицы.

Первоначально считалось, что все эти признаки потому были общи готам, что возникли в догуннское время в Крыму и с нашествием гуннов спасавшиеся бегством на Запад готы донесли их до самой Испании. Потом выяснилось, что в IV-V вв. готы вообще не имели археологически уловимого комплекса культурных признаков, отличающего их от соседних народов, хотя при этом уже имели свою письменность, с IV в. - перевод христианских культовых книг и сильно развитое племенное самосознание, сначала выражавшееся в исторических преданиях, а затем в появлении целой плеяды знаменитых историков готского народа. Поэтому, несмотря на разделение готов на территориально обособленные группы, разбросанные по всей Европе, на войны между ними и соперничества и вражду королей, после разобщения связи между частями народа только усилились и в VI в. привели к возникновению “археолого-этнографической” готской общности, просуществовавшей очень недолго. Вскоре часть готских групп была истреблена более сильными народами, другие слились с более культурным окружением, утратив “варварское” своеобразие костюма и обычаев. В общеготских связях участвовали и гепиды, по готской исторической традиции и по мнению византийцев близко родственные готам. Как писал Феофан Исповедник: “Готы, изиготы, гепиды и вандалы ничем другим кроме имени не отличающиеся друг от друга, говорящие на одном наречии” (85, с. 48). Это мнение разделяет и современная лингвистика. Территориальная разобщенность не могла помешать интенсивным связям. В ту бурную эпоху мирный проход через земли разных народов гарантировался как боль-

шим массам людей (переселение герулов на север через земли славян, балканские набеги кутригуров через Гепидию), так и отдельным лицам (приход знатного гота Беремуда от гуннов в Южную Францию). Естественно, что был открыт путь мастерам и торговцам.

Сходство южнокрымского женского костюма с западным готским, общность прикладного искусства и стоящих за его орнаментикой черт мировоззрения - все это не объяснить одними случайностями торговых связей. Ведь варварские королевства остроготов и гепидов, тем более отсталые "малые готы" в Болгарии, находились на таком уровне экономического и социального развития, при котором еще не развилось рыночное производство традиционных украшений. Существовавшие контакты: как подарки, приданое или военная добыча. Единичные готские вещи не оказали влияния на местное ремесло даже у соседних готам древнегерманских народов, таких как франки (92; 93; 94; 95, с. 217-230). Почему же они так повлияли на культуру совсем далекого Крыма? Почему на первое место вышли связи с гепидами Среднего Дуная, оттеснив не только традиционное здесь раннее влияние степи и Северного Кавказа, но даже и соседнего византийского Херсона, отделенного от изучаемого района только невысокой горной грядой? Столь избирательное образование в V-VI вв. своего рода "мостов" между Юго-Западным Крымом, Боспором и далекими экономически слабо развитыми королевствами готов и гепидов на Западе можно объяснить только родством населения. Иногда говорят, что только находка памятников готского языка в Крыму сможет проверить, связаны ли исторически крымские и западные готы, как считали их византийские современники. Но на Западе археологические находки надписей на готском языке крайне редки и малозначительны, основные сведения о нем дают церковные готские рукописи, уцелевшие в средневековых монастырях. Ясно, что в Крыму на такие находки трудно рассчитывать. Однако что же, кроме единства языка, могло связывать тогда стоявшие на низком экономическом и общественном уровне части этого народа, побуждать их интерес друг к другу?

В VI-VII вв. обычаи и вкусы Боспора приобрели такую сильную готскую "окраску", что это заставляет предположить достаточно заметную роль здесь самих готов, их относительную многочисленность. Формально процент готских черт в Крыму даже выше, чем в безусловно готских древностях Запада. Например, среди 291 могилы, раскопанной на вестготском кладбище Дуратон в Испании, 20 (7%) содержали готский парадный набор из пары больших фибул и широкого пояса; на гепидском кладбище Сентеш-Кекенъзуг из 74 могил пары фибул были в 5 (6%); а в Суук-Су из 149 погребений полный набор найден в 19 (12%); много их в склепах Лучистого, прочие могильники сильно ограблены, но в них готских украшений также достаточно много. Даже если бы не существовало письменных свидетельств о пребывании готов в Крыму, имеющиеся археологические данные все равно заставили бы сделать соответствующий вывод.

С археологическими данными совпадают письменные свидетельства V-XV вв. Впрочем, комментируя их, сторонники "стадиальной" теории предполагают, что древние авторы якобы намеренно преувеличили за чем-то роль готов, или, просто плохо зная то, о чем писали, не могли отличить готов от аланов или славян. На самом деле, свидетельства оставлены представителями византийской служилой интеллигенции, часто знатного происхождения, глубоко чуждыми, а чаще и враждебными тем варварам, которых они описывали, против которых нередко сами воевали. С другой стороны, те же готы, аланы и славяне массами жили в Византии, служили в армии и при дворе, были не отвлеченным книжным понятием, а

повседневной, часто неприятной реальностью для своих современников. Недаром в источниках всегда так четко указана племенная принадлежность находящихся на византийской службе варваров: ее точное значение было практически нужно. Не может быть и речи о повальном смещении авторами V-VI вв. разных народов, как это в пылу полемики постулируется некоторыми археологами. Если Иоанн Златоуст посещал богослужение на готском языке, а Прокопий Кесарийский много лет воевал против готов и вандалов, их свидетельствам можно верить.

На рубеже IV-V вв. константинопольский архиепископ Иоанн Златоуст, обсуждая назначение нового епископа по просьбе правителя (регис) Готии, написал, что из-за холодов направляемым туда священнослужителям “невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни в те страны” - речь явно шла не об иранских готах Фракии, а о православных готах Крыма (96, с. 301-303). Вспоминая о событиях в Крыму середины V в., Прокопий назвал готов “самыми сильными из всех тамошних варваров” (97, с. 38). Он рассказал, что часть их, пытавшуюся удержать местность, “почти со всех сторон” окруженную “устьем Меотийского Болота”, то есть Керченский полуостров, гунны-утигуры вынудили переселиться на кавказское побережье. В этом рассказе ничего нет о готах Юго-Западного Крыма, так как информаторами Прокопия служили послы кавказских готов-тетракситов, приезжавшие в Константинополь в 548 г. Точность сведений византийцев о тетракситах нашла археологическое подтверждение в раскопках А. В. Дмитриева на р. Дюрсо - именно там, где размещал готов-эвдусиан анонимный “Перипл” V в. (98, 99, 100). Последний источник косвенно коснулся и готов Горного Крыма (Тавра), отождествляя термины “готский” и “таврский” (101, с. 663).

Прямые данные о готах Юго-Западного Крыма Прокопий получил позднее, к 560 г., собирая сведения о постройках Юстиниана I в Северном Причерноморье. Его рассказ о готской стране Дори уже много лет вызывает споры среди историков и археологов, поскольку Прокопий не детализировал ее положение. Ясно сказано лишь, что Дори находилась в благоприятной для земледелия, возвышенной части Крыма между Боспором и Херсоном. Тем самым сразу исключается равнинный степной засушливый Крым, включая и Керченский полуостров, занятый в V в. гуннами. Остается Горный Юго-Западный Крым. Но Прокопий сообщил еще, что “в этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости”, зато “укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами” (84, с. 249, 250). С этого и начались историографические “заключения” страны Дори. Ведь чтобы ее локализовать, надо найти “длинные стены” Юстиниана. Сначала их пытались отождествить с цепью крепостей горного Крыма (103), но те оказались разновременными (89, 102, 104). Затем О. И. Домбровский нашел отрезки оборонительных стен на перевалах Главной Крымской гряды, и страну Дори стали ограничивать одним побережьем (91, 90, 34, 105 и др.). Детальное изучение этих стен еще предстоит, пока же в дискуссии основную роль играют данные разведок и предположения. При этом сторонники южнобережного варианта не могут объяснить, как совместить то, что Юстиниан I, который не строил в Дори крепостей, возвел их в Гурзуфе и Алуште.

Критически разбивая южнобережный вариант, Л. В. Фирсов убедительно отвел приведенные Э. И. Соломоник и О. И. Домбровским текстологические и часть археологических аргументов. Он показал, что в ряде случаев стены на перевалах преграждали путь не с севера, а с юга, от моря в горы: для этого южный панцирь их кладки был толще северного, с юга не оставлено ни метра пристенного пространства и т. д. В пользу его предположения о том, что стены построены

средневековым горным княжеством Феодоро в качестве преграды от проникновения генуэзцев (106, с. 111-113), дополнительно говорит и цепь крепостей, воздвигнутых с той же целью несколько ниже “длинных стен” по южному склону Главной Крымской гряды (34; 17, с. 44, 45). Но до подробного изучения перевальных стен не удается полностью отбросить возможность их сопоставления с рассказом Прокопия.

Решающим, наиболее веским аргументом в локализации страны Дори я считаю археолого-этнографическое единство всего Юго-Западного Крыма, прослеживаемое по могильникам. Некоторые различия в погребальных обычаях отдельных коллективов недостаточны, чтобы выделить по ним какие-либо территориальные группы и тем более обособить южное побережье от остальной области. На самом побережье различия памятников даже разительнее: в Суук-Су склепов очень мало, а максимум погребенных в каждом не превышал 4-5 человек; в Лучистом склепы преобладали, а захоронений так много, что они лежали ярусами. Впрочем, в скифских древностях I-III вв. на изучаемой территории подобные частные различия были еще сильнее.

От Прокопия нельзя ждать точных и подробных географических ориентиров, так как добросовестно излагая собранную, точную саму по себе информацию, он совершенно не представлял географии Крыма. Римляне, византийцы, позднее арабы проникли в южную приморскую часть полуострова, совершенно не зная северной степной, и, как видно на римских “Певтингеровых таблицах” II-VI вв. или карте Идриси 1154 г., их картографы представляли все Северное Причерноморье в виде вытянутого с Востока на Запад слабо изрезанного побережья, вдоль которого расположены гавани Боспор, Алушта, Гурзуф, Херсон. Для константинопольского ученого весь Крым лежал “на побережье”. В центре внимания Прокопия, естественно, была сфера византийских интересов: порты и приморские крепости, обеспечивающие безопасность судоходства вдоль Крыма. Именно для этого предназначены оба маленьких укрепления в Гурзуфе и Алуште. Они словно прилепились с моря у самого края обширных амфитеатров, где местные жители располагали позициями в долинах и у перевальных путей (как Лучистое над Алуштой). Незначительные византийские гарнизоны не могли господствовать над прилегающей страной и, вероятно, не вмешивались в ее внутреннюю жизнь. Так что Прокопий прав: обе крепости Юстиниана действительно не имели отношения к готам (в Гурзуфе ближайший к крепости местный могильник VI в. отстоит от нее на 2 км и отделен балкой).

Исходя из сказанного, можно по-иному поставить вопрос и о длинных стенах. По распределению могильников VI-VII вв. Дори представляется в виде скошенного с одной стороны квадрата, на западе отделенного лишь горной грядой от сельской округи Херсона, на северо-западе граничащего со степью, на северо-востоке соприкасающегося с горно-лесистым районом верховьев Альмы и Салгира, где, по данным И. А. Баранова, до VII в. не было оседлого населения, а затем началось оседание степняков-болгар. Только восточная оконечность Дори сузилась до южного побережья с Гурзуфом и Алуштой (рис. 4, 6). Именно здесь прибрежная зона интересов Византии подверглась наибольшей угрозе с севера, от кочевников, так как буферная полоса готских поселений сужалась до нескольких километров, а кочевники могли беспрепятственно подходить здесь к самым перевалам Главной Крымской гряды. Вероятно, поэтому Юстиниан решил именно в Гурзуфе и Алуште защитить гавани небольшими крепостями. И не здесь ли следует искать на вешних к ним перевалах остатки его длинных стен, еще не отделенные исследова-

телями от таких же стен эпохи княжества Феодоро? Подобное решение могло бы, как мне кажется, снять мнимые противоречия в рассказе Прокопия о Дори. Он описал не укрепления на границах этой области, а те сооружения, которые были нужны империи. Самой стране Дори лучшей защитой от местных гуннов служили равенство сил и договор о мире, подобный тому, который регулировал взаимоотношения тетракситов и утигуров.

С интересами Византии явно связано и строительство сильной крепости Эски-Кермен, на периферии Дори прикрывавшей ближайшие подступы от степи к Херсону. Ее сложные предвратные сооружения, как отмечал Ю. Н. Воронов, входят в ближайшие аналогии в византийских крепостях Восточного Причерноморья.

Позднее название "Дори" не упоминается, его заменяют "Готия", самую сильную крепость которой называют Дорос, или "Крепость Готии". Впервые византийский источник VIII в. говорит о ней под 704/705 г., когда Юстиниан II "бежал из Херсона и скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле" (85, с. 163). Следовательно, и на рубеже VII-VIII вв. Готия административно не подчинялась ни Херсону, ни Константинополю. В связи с событиями VIII в. ее территория ясно обрисовывается источниками в тех же границах, в каких была выше реконструирована область Дори. Представляется заманчивой гипотеза Н. И. Репникова о том, что Дорос тождествен с самой сильной крепостью Готии рубежа VII-VIII вв., известной археологам, - Эски-Керменом (6, с. 134-150). Этому не противоречит позднейший перенос центра области Мангуп, более удобной для феодального города, - например, в русской истории такие переносы многочисленны.

Названия "Дори", "Дорос" скорее всего были вариантами того слова, которое греки передавали как "Тавр". Страна Дори - это Тавр, гористая часть Крыма, пересеченная Главной грядой. Отсюда таврами называли всех горцев - говорили ли они на скифском, аланском, готском или иных языках (38, с. 75-79; 108, с. 37). Период, когда готы были самыми сильными из оседлых варваров Крыма, длился недолго. Как и в других частях Европы, их постепенно ассимилировало окружающее население. Обилие сведений о готах, в сравнении с другими обитателями Крыма, объясняется особым интересом греческих и латинских военных, дипломатов и церковников к этому народу, образовавшему сильные королевства на Западе. И среди археологических материалов их древности выделяются из-за любви готских женщин к громоздким, ярким украшениям. Готский компонент оказался очень заметным в этнической мозаике раннесредневекового Крыма.

К сожалению, вопрос о скифо-сарматском, греческом и таврском элементах в Юго-Западном Крыму V-VII вв. разработан совсем слабо. Определенную роль сыграла скудность письменных данных, когда из текста нельзя понять, идет ли речь о реальном расселении скифов и тавров или они упомянуты только как дань древней географической традиции. Например, Прокопий в VI в. неоднократно повторяет, что за Азовским морем (Меотидой) и кочевыми кутригурами находятся тавры и тавро-скифы, а затем конкретно рассказывает только о гуннах на сухопутном пути от Боспора в Херсон и о готах. Создается впечатление, что ссылка на древние народы должна яснее показывать читателю, о каких местах идет речь. Не вложено конкретного содержания в этноним тавры "Периплом" V в.: он сообщает, что опустевший город эллинов Феодосия "на аланском или таврском наречии называется Ардаба", что Афинеон (Судак?) - "гавань скифо-тавров", и что далее к западу живут тавры, но раньше автор и готский язык тоже причислил к таврским (101, с. 663, 666). Создается впечатление, что в V в. народа тавры не было. В той

же традиции автор жития Иоанна Готского, писавший в X в., сообщает, что южнобережное торжище в Партенитах (восточнее Гурзуфа) находилось в земле тавров и скифов, бывшей под властью готов, но далее опять же говорит только о народе Готии. Ошибаются те исследователи, которые видят в житии свидетельство многочисленности в VIII в. тавров и скифов и малочисленности подчинивших их готов: древние народы названы явно лишь для того, чтобы далекий от Крыма читатель понял, где находятся эти Партениты и сама Готия.

Не проясняют вопрос о раннесредневековом неготском населении Юго-Западного Крыма и археологические данные: на эту тему нет специальных работ, существуют лишь отдельные замечания, наблюдения и предложения (18; 13; 34; 109, с. 156, 157; 35, с. 21-24; 110, с. 13-15 и др.). Большой вред нанесло, надолго задержав конкретное изучение проблемы, привлечение “стадиальной теории”, которая позволяла произвольно рисовать широкие картины предполагаемой этнической и социальной истории Крыма в соответствии с концепциями каждого автора. В местных древностях хотели видеть наследие скифов, алан, тавров, греков, славян, готов, считать их то одноэтничными, то многоэтничными. Но если скифские могильники I-III вв. и проблема их сарматизации изучаются археологами очень детально, то о более позднем материале, его этнической принадлежности высказывания становятся короче и декларативнее, хотя сам материал, как мы видели выше, очень ярк и обширен. Несмотря на утверждения о разноэтничности населения Юго-Западного Крыма, исследователи не смогли выделить каких-либо археологических культур, кроме той, что представлена могильниками типа Суук-Су, и не смогли расчлнить последнюю на локальные варианты ни по вещам, ни по деталям погребального обряда. Поэтому и далее она рассматривается как одно целое. Не менялась с IV по IX в. и ее территория (рис. 4, 5, 6).

Выше уже подробно рассматривались привнесенные извне обычаи, особенности костюма и прикладного искусства “культуры типа Суук-Су”. От более древнего местного населения I-XII вв. его, безусловно, унаследован обычай погребения в ямах с заплечиками, с боковыми подбоями и в семейных склепах. Возможно, с этим же связаны подсыпки угля в могилы, применение в качестве гробов выдолбленных колод, часто поставленных на каменные подкладки (13; 18, с. 74-76). От местных неготских традиций может идти обычай, встречаемый, впрочем, крайне редко, - класть в могилу оружие, конское снаряжение и тем более орудия труда (рыболовные крючки в Суук-Су). Но этих признаков мало, чтобы поставить знак равенства между населением I-III и VI-VII вв. Например, в сельских могильниках Юго-Западного Крыма I-III вв. склепы редки, всего найдено несколько из 756 исследованных могил (54, с. 32, 33, склеп 2; 61, с. 13), а их быстрый рост с IV в. совпал с существенными изменениями в изучаемой части Крыма. Более того, “склеп (земляной или каменный) не может считаться характерным только для ираноязычных племен”, - к такому выводу пришла М. П. Абрамова, специально изучавшая склепы всей Восточной Европы (61, с. 17). Земляные склепы без лежанок обычны и в античном мире. Появление склепов в разных культурах связано с тем, что “форма могильного сооружения в виде склепа лучше всего отвечала требованиям погребения всех членов семьи в одной могиле” (там же). Среди элементов погребального обряда конструкция могильных сооружений является менее всего устойчивым признаком” (там же) и часто была предметом заимствования в условиях контакта культур. Хотя у готов на севере и западе земляных склепов не было, одних погребальных сооружений недостаточно, чтобы считать все население

Юго-Западного Крыма V-VII вв. скифо-сарматским. Зато вполне достаточно, чтобы отметить участие скифо-сармат в складывании раннесредневековой культуры.

Другие признаки менее показательны. Ориентация захоронений головой к западу связана в V-VII вв. с нормами христианства, была известна у христиан и восточная ориентировка. Во всяком случае, нет оснований говорить об особом местном этносе людей, хоронивших на Скалистинском могильнике с восточной ориентировкой в V-IX вв., хотя бы потому, что там же в конце II-III вв. хоронили головой на юго-запад (22, схема 3). Не показательна для изучения этногенеза и поза погребенных. Так, скорченные костяки, независимо от их датировки, нередко связывают с "влиянием тавров". Однако надо искать иное объяснение, так как подобные захоронения встречаются далеко от Крыма у разных народов и даже на христианских кладбищах, вплоть до Испании (111, с. 60; 112 могилы 39, 109, 226). Положение кистей одной или обеих рук на тазе, сходное в местных могильниках I-III вв. и в Суук-Су, не принадлежит к числу этнических признаков, оно обычно для христианских некрополей позднеримского Каллатиса, древних германцев Средней Европы и Подунавья, вестготов Испании, наконец, древней Руси. Обычай деформировать череп или класть в могилу разбитое зеркало уже в IV в. вышли за пределы ираноязычных кочевников, а в эпоху переселения народов приняты многими народами Европы (113, табл. 73, 74), окончательно перестав быть этническим признаком. Из вещей разве только двухъярусные конические колокольчики (рис. 2, 62) можно сравнить с северо-кавказскими (с. р. Гиляч), колокольчики есть и в могилах I-III вв. (рис. 2, 9). Лепная и круговая посуда (114, с. 20, 21, рис. 6-8) также не содержит ничего иранского (аланского), а сравнение, например, с посудой могильников Испании выдает их общую византийскую и позднеантичную подоснову (87, табл. 28, 29; 115, табл. 28, 29). Антропологические данные подтверждают смешанное происхождение раннесредневекового населения этих мест, его значительную преемственность с населением I-III вв. (115; 39). Констатируется, что в антропологическом отношении население VI-IX вв. "было в своей основе достаточно однотипным" (39, с. 248), следовательно, процесс смешения и слияния разноэтнических элементов в целом завершился, подтверждением чему может служить культурное единство. Но вопроса о готах антропологи пока решить не могут, возможно потому, что не располагают данными по готам времени их прихода в Крым, а сравнение со скандинавскими черепами мало оправдано, так как до сих пор не доказано, жили ли готы в Скандинавии, кроме того, до прихода в Крым они подверглись многим контактам и ассимиляциям. В том, что язык и антропологический облик развиваются разными путями, можно особенно наглядно убедиться на примере тюркоязычных народов Сибири, Средней Азии, Поволжья, Кавказа и Переднего Востока. Поэтому антропология, раскрывая пути сложения народа, не располагают данными для установления этноса.

Можно только предполагать о греческом компоненте, прямых данных о нем для IV-VII вв. нет. Не связано ли широкое распространение кремации в IV в. не только с влиянием, но и притоком самих греков или римлян? Совсем нет данных о каком-то коренном народе - таврах (38). По данным Х. И. Крис, тавры были ассимилированы скифами за тысячу лет до этого, в V в. до н. э. Для рассматриваемого времени не выделено археологической культуры, которую можно было бы приписать таврам, а отдельные скорченные костяки, находки "лепных черепков", наряду с круговыми, или "грубость" каменных кладок - еще не основание для каких-либо утверждений. Остались два реальных компонента: скифо-сарматский и готский. О первом говорят только унаследованные от прошлого черты: участие в

сложении антропологического облика населения, влияние на погребальный обряд, вместе с тем совершенно прервались с V в. традиционные для скифо-сармат связи, их культурная ориентация. О втором говорят только новые, современные черты: народное прикладное искусство, отражающее духовный мир, женский костюм, способ обрядить покойника к "загробной жизни", тесные избирательные связи с далеким западом взамен близких северных и восточных. Судя по этому, скифо-сарматское население сыграло в ассимиляционном процессе роль субстрата, постепенно смешавшись с пришельцами, усвоив их язык и многие обычаи. Вероятно, поэтому готы и заняли в византийских свидетельствах место скифов Крыма, а Скифия стала называться Готией.

Пока известен лишь результат этого смещения - по письменным и археологическим данным. Еще не удастся проследить его в динамике: как выглядят памятники готов времени их прихода в Крым, как протекало постепенное смещение готов со скифами. Причина в том, что особые готские черты культуры прослеживаются археологами по всей Европе только для первой половины VI в. и хорошо координируются с письменными данными. Затем часть готских групп погибла, в остальных эти черты, продержавшись еще 50-100 лет, постепенно угасали. В течение же предшествовавших I-V вв. готы известны в основном из письменных источников, а археологически пока не отделены с уверенностью от соседних племен. Для I-II вв. их ищут в рамках пшеворской и вельбарской культур Польши, для III-IV вв. - в числе носителей черняховской культуры Украины, Молдавии и Румынии, для V в. - среди населения Среднего Подунавья, но всюду наряду с готами той же культурой пользовались и другие народы, разделить наследие пока не удалось, хотя ни от кого из этих народов не осталось такой обширной современной им историографии и богатой письменности, как от готов. Поэтому ключом этнических определений остаются письменные источники. А они ничего не говорят о времени поселения готов в Крыму. Можно лишь предположить, что это совпало с большим вторжением варварских племен, которые в середине III в. разрушили скифское царство и произвели значительные опустошения на Боспоре (116, с. 20, 21).

Отдельные поселения и могильники пришельцев в Крыму пока не найдены, но со второй половины III в. в погребениях коренного населения Юго-Западного Крыма, избежавшего разгрома, появились первые прогнутые подвязные черняховские фибулы (рис. 2, 1), распространение которых в Восточной Европе связано с приходом племен из Юго-Восточной Прибалтики и совпадает с зоной активности готов, известной по письменным источникам. Появилось и немного черняховских сосудов (рис. 2, 12), этнически не выразительных. Все эти вещи не могли быть предметом дальней торговли и импорта с севера в культурно более развитый Крым, они попали вместе с пришедшими сюда людьми. Таково едва заметное начало, приведшее через 200 лет к сложению в Юго-Западном Крыму характерной готской культуры типа Суук-Су - таковы реальные факты, их объяснение остается в сфере предположений. Поскольку в III в. погибли только северные поселения скифов, а в ближайших к Херсону предгорьях скифы остались и смешались с разрушившимися их царство пришельцами, причем произошла заметная военизация всего населения, можно предположить, что римляне сумели превратить группу новых варваров в мирных союзников, поселили их на южной окраине Скифии для защиты подступов к Херсонесу, где они оставались на тех же правах еще в VI в., о чем и сообщил Прокопий, рассказывая о готской "стране Дори".

Так с IV-V вв. на некоторое время в южном и восточном Крыму изменился характер варваризации, и сарматское влияние сменилось готским. Но результаты

оказались разными. Сельское скифское население Юго-Западного Крыма и в социальном, и в культурном отношении мало отличалось от готов, потому быстро смешалось с ними и, вероятно, ассимилировалось. В городе Боспоре тоже появилось немало готов: без их посредничества едва ли греческие горожане в условиях натурализации экономики завязали бы тесные избирательные связи с враждебными им далекими варварскими королевствами бассейна Тисы и Италии в ущерб традиционным местным связям. Даже знатные горожанки перешли в IV-VII вв. на готские украшения и манеру их ношения. Но более высокая, чем у готов, духовная культура позволила боспорцам сохранить свой греческий язык, письменность, даже старую традицию летосчисления. Боспор "оварварился" (как выразился византиец Прокопий), но остался греческим городом. Поэтому письменные источники, говоря о готах разных частей Крыма, ни разу не упомянули Боспор. На Боспоре сохранили определенное значение и иранские этнические элементы, о которых, впрочем, сообщает не археология, а немногие имена, встречаемые в надписях. Заметнее там связи и с кочевым миром.

Интересно, что если погребальный обряд рассматриваемых могильников в какой-то мере связан с коренным населением, а женский костюм и его украшения - больше с готами, то вооружение и конское снаряжение характеризует связи с кочевым миром: именно связи, а не кочевнический компонент, так как нововведения в военном деле быстро распространялись на огромные пространства, часто независимо от этнических границ. Оружие готов вообще мало известно во всех местах их расселения из-за особенности их погребальных обычаев. Раннесредневековое крымское оружие ближе к степному и северокавказскому, чем к древнегреческому. Чуждым для готов обычаем объясняется и само появление оружия и конского снаряжения в их могильниках, учащающееся по мере продвижения к востоку (особенно у живших в кавказской среде тетракситов). И нельзя забывать, что археология пока может характеризовать только основные черты процесса, но еще не позволяет сказать в каждом конкретном случае, кто похоронен в данной могиле - гот, скиф или эллин. Ясно лишь, что в крымском раннем средневековье это был человек смешанной культуры. С конца VII в. в тех же местах готское влияние сменилось не менее интенсивным византийским, а затем еще болгарским и хазарским.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов, I // ИАК. 1906. № 19.
2. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов, II // ЗООИД. 1907. XXVII.
3. Репников Н. И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. 1907. № 30.
4. G ö t z e A. Gotische Schallen in Italien. Berlin, 1907.
5. W e r n e r J. Slavische Bugelfibeln des 7. Jahrhunderts. Reincke Festschrift. Mainz, 1950.
6. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-29 гг. // ИГАИМКЛ., 1932. Т. 12. Вып. 1-8.
7. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. XIII.
8. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. 1963. XIII.
9. Стрелецкий С. Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИАУ. 1959. Вып. 8.

10. Л о б о д а И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4.
11. Б л а в а т с к и й В. Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.
12. К р о п о т к и н В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. № XXVIII.
13. К р о п о т к и н В. В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. 1959. № 1.
14. К р о п о т к и н В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100.
15. Б о р н с о в а В. В. Могильник у высоты "Сахарная Головка" // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. V.
16. В е й м а р н Е. В. Скалистинский склеп 420 // КСИА. 1979. Вып. 158.
17. В е й м а р н Е. В., А м б р о з А. К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. 1980. № 3.
18. К о р п у с о в а В. Н. Скалистинский могильник // Сборник докладов на VI и VII всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963.
19. А й б а б и н А. И. Погребения второй половины V - первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. № 158.
20. А й б а б и н А. И. Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
21. А й б а б и н А. И., В е й м а р н Е. В. Склеп 406 Скалистинского могильника // СА. 1983. № 4.
22. А й б а б и н А. И. Проблема хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
23. А й б а б и н А. И. Раскопки раннесредневековых могильников в Горном Крыму // АО 1982. М., 1984.
24. А й б а б и н А. И. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Лучистое в Крыму // АО 1983. М., 1984.
25. К р о п о т к и н В. В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1953.
26. К р о п о т к и н В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978.
27. П у д о в к и н В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. № 1.
28. А м б р о з А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
29. А м б р о з А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв.: Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1974.
30. Р ы б а к о в Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
31. В е й м а р н Е. В., Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1952. № 4.
32. С м и р н о в А. П. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1953. № 3.
33. А м б р о з А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.) // КСИА. 1968. № 113.
34. В е й м а р н Е. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. Київ, 1971. 1.
35. Д о м б р о в с к и й О. И. Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972.
36. П і о р о І. С. Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // Вісник КДУ, серія Історії, 1973. 15.
37. П і о р о І. С. Готы в Юго-Западном Крыму // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. 2.
38. П і о р о І. С. Історичні джерела та література про середньовічних таврів і скіфів у Криму // Вісник КДУ, Історичні науки, 1980. 22.
39. З и н е в и ч Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973.
40. А л е к с е е в а Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978: Г1-12.

41. А л е к с е е в а Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Г1-12.
42. А м б р о з А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. - IV в. н. э. // САИ. 1966. Д1-30.
43. З е е с т И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
44. С о р о к и н а Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
45. С о р о к и н а Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
46. К р а в ч е н к о Н. М., К о р п у с о в а В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. Київ, 1975. 18.
47. Ш е л о в Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. Вып. 156.
48. S o r g o n i S. Uber den Münzumlaufl in Pannonien zu Ende des 4. Jahrhunderts // Folia archaeologica, Budapest, 1969. XX.
49. М а ц у л е в и ч Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
50. К а м е н е ц к и й И. С., М а р ш а к Б. И., Ш е р Я. А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975.
51. R u s u M. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf // Dacia. Bucarest, 1959, 111.
52. А м б р о з А. К. Рецензия на кн.: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gröberfeld von Newolino // СА. 1973. № 2.
53. А м б р о з А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
54. Б о г д а н о в а Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднекифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. II.
55. З у б а р ь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982.
56. Н и к и т и н а Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н. э. - первой половине I тыс. н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. М., 1974.
57. М о г и л ь н и к о в В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э. - III в. н. э. в западной части балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. М., 1974.
58. К у х а р е н к о Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
59. С ы м о н о в и ч Э. А., К р а в ч е н к о Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Д1-22.
60. Р е п н и к о в Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т.12. Вып. 1-8.
61. А б р а м о в а М. П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. II.
62. U e n z e S. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh // Bayerische Vorgeschichtsblätter. München. 1966. 1.
63. А м б р о з А. К. О двухпластинчатых фибулах с накладками // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
64. А й б а б и н А. И. Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
65. Я к о б с о н А. Л. Раннесредневековые поселения восточной Таврики // МИА. 1958. № 85.
66. Г о р ю н о в Е. А., К а з а н с к и й М. М. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. 1978. Вып. 155.
67. W e r n e r J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergart // Kölner Jahrbuch für Vor und Frühgeschichte. Köln. 1955.
68. Б а р а н о в И. А. Раннесредневековая пряжка из Ялты // СА. 1975. № 1.
69. B i e r b r a u e r V. Die ostgotischen Grabund Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
70. V i n s k i Z. Adlerschnallenfunde in Jugoslavien // Liber Iosepho Kostrzewski. Wroclaw-Warzawa-Krakow, 1968.

71. В ó н а I. Der Anbruch des Mittelalters. Gepiden und Langobarden im Karpatenbecken. Budapest, 1976.
72. Э н г е л ь с Ф. Замечания на книгу А. Вагнера "Учебник политической экономики" // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19.
73. Энгельс Ф. Род у кельтов и германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.21.
74. S a l i n В. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904.
75. H a s e l o f f G. Zum Ursprung der germanischen Tierornamentik - die spätromisch Wurzel // Frühmittelalterliche Studien. Berlin - New York, 1973.7.
76. М а ц у л е в и ч Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.-Л., 1934.
77. К ü h n Н. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn, 1940.
78. М а ц у л е в и ч Л. А. К вопросу о стадильности в готских настроенных явлениях // ИГАИМК. 1933. Вып. 100.
79. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Вып. XII.
80. Я к о б с о н А. Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964.
81. А м б р о з А. К. Рец. на кн.: Bierbrauer V. Die ostgotischen Grabund Schatzfunde in Italien // СА. 1980. № 1.
82. A r e n d t W. W. Beiträge zur Entsehung des Spangenharnisches // ZHWK. 1932. Bd. 4, H.3.
83. W e r n e r J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // Problemi attuali di scienza e di cultura. Roma, 1874, 189.
84. V i n s k i Z. Sljem epohe seobe naroda naden u Sinju // Starohrvatska prosvjeta. Split, 1982, 12.
85. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4.
86. Ч и ч у р о в И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
87. В а у е J. de Les tombeaux de Goths en Grimée. 1908.
88. Z e i s s H. Die Grabfunde aus dem spsnischen Westgotenreich. Berlin; Leipzig. 1934.
89. M a r t i n e z Santa Olalla J. Notas para un ensayo de sistematizacion de la arqueologia visigoda en Espania // Archivo Espaniol de Arte y Arqueologia. Madrid. 29. 1934.
90. В е й м а р н С. В. Пам'ятки південно-західного Криму // Археологія Української РСР. Т. 3. Київ, 1975.
91. С о л о м о н и к Э. И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
92. Д о м б р о в с к и й О. I. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія. Київ, 1961. XII.
93. W e r n e r J. Ostgotische Bügelfibeln aus bajuwarischen Reihengräber. 1961. Bayerische Vorgeschichtsblätter. München 1961. 26.1.
94. W e r n e r J. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin. 1961.
95. B i e r b r a u e r V. Zu den Vorkommen ostgotischen Bügelfibeln in der Raetia 11 // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1971. 36, Heft 1.
96. B i e r b r a u e r V. Frühgeschichtliche Akkurationsprozesse in den geermanischen Staaten am Mittelmeer (Westgoten, Ostgoten, Langobarden) aus der Sicht des Archäologen - In: Atti del 6 congresso internazionale di studi sull'alto medioevo, t. 1. Spoleto.
97. В а с и л ь е в А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т.1.
98. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
99. Д м и т р и е в А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.
100. Д м и т р и е в А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.
101. Д м и т р и е в А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

102. Псевдо-Адриан. - Безымянный автор. Обезд Эвксинского Понта // Пер. В.В.Латышева // ВДИ. 1948. № 4.
103. Г а л и с Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. I.
104. Т и х а н о в а М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
105. В е й м а р н Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
106. Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. Киев. 1974.
107. Ф и р с о в Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. 40.
108. Д о м б р о в с к и й О. И. Средневековые поселения и "исары" крымского южного бережья // Феодалная Таврика. Киев, 1974.
109. Домбровский О.И., Столбунов А.А., Баранов И.А. Аю-Даг - "Святая" гора. Симферополь, 1975.
110. Соломоник Е.И. Про значення терміна "тавроскіфі" // АП УРСР. 1962. XI.
111. Веймарн Е.В., Чорев М.Я. "Корабль" на Каче. Симферополь, 1976.
112. S c h m i d t В. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle (Saale). 1961.
113. M o l i n e r o P e r e z А. La necropolis visigoda de Duraton (Segovia) // Acta Arqueologica Hispanica. Madrid, IV, 1948.
114. W e r n e r J. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches. München.
115. Я к о б с о н А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
116. С о к о л о в а К. Ф. Антропологічні матеріали могільників Інкерманської долини // АП УРСР. 1963. XIII.
117. Ш е л о в Д. Б. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

А. К. AMBROZ
**SOUTH-WESTERN CRIMEA. CEMETERIES
 OF THE 4TH-7TH CENTURIES.**

Summary

Archeological-ethnographic artifacts, sometimes they are called "Type Suuk-Su Culture" after the name of the cemetery, are considered in this article. It existed in a small wooded area between the sea and low precipices of the third, outside, Crimean ridge of mountains (Fig.1,5,6). In the mid-3d century when the settled population left the third ridge for the South after the destruction of Scythian Kingdom, it became a deserted border region between the inhabitants of the South-western Crimea and the nomads. The territory under consideration bordered on the agrarian possessions of Byzantine Cherson on the West and served as a barrier from the steppe.

N.I.Repnikov and N.E.Makarenko began to investigate cemeteries in this region in 1903-1907. They unearthed 99 graves of the 6th-7th centuries covered with a great landslide, in the estate of Suuk-Su near Gurzuf. Due to this landslide the graves of the 6th-7th centuries are distinctly separated stratigraphically from the graves of a later period. Thanks to the adequate publication of the materials of the cemetery (1; 2; 3) Suuk-Su became a model in studying the epoch of peoples' migration in Europe.

At first early-medieval finds from the Crimea were dated by coins of the 3th-7th centuries without analyzing things (1, p. 32). But A. Gotze and I. Werner, judging by relief eagle-headed buckles, dated the lower layer of Suuk-Su cemetery back to the period not earlier than the mid-6th century.

In 1940-70 s many local cemeteries of the 3d-4th centuries were unearthed: Inkerman (7), Chernaya Rechka (8), near the collective farm of Sevastopolsky (9), Ozernoe III (10), materials of pre-war excavations in Kharax (11) were published, cemeteries of later period: Chufut-Kale (12; 13:14), near Sacharnaya Golovka (7; 15), in Skalistoe (16; 17; 18; 19; 20; 21; 22), on the slope of Eski-Kermen mountain and Luchistoe (22; 23; 24). At the same time V. V. Kropotkin (13; 14; 25; 26) tried to analyze South-Crimea finds in a more detailed way. V. K. Pudovin (27) restricted the period of the low layer of Suuk-Su by the second half of the 6th-the first half of the 7th centuries and divided its inventory into three periods. A. K. Ambroz divided these burials into four periods, the complexes of the upper layer - into two, and dated the lower layer back to end of the 7th century (28, p. 110-120; 29, p. 13-26). A. I. Aibabin made the first publication of the graves of the 4th-the first half of the 6th centuries and of the 7th-the first half of the 8th centuries (19; 20; 22) and presented convinced arguments for some dating (20, p. 183-188; 23). The researchers paid much attention to the problem of ethnogenesis, to the reconstruction complex ethnic in the region (13; 18; 25; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39).

Usually there was no distinct line the first of the 3d and 4th centuries. However, in the complex of the second half of the 3d century new forms of brooches (Fig. 2, 1, 3, 4) and buckles (Fig. 2, 2, 16-19) came into being. Burials of the 4th century are dated back by the new form of amphoras, red-lacquered and glass ware and coins (22; 43, p. 118-122; 44; 45; 46, p. 30,34; 47, p. 19, Type F).

Buckles with a long tongue (Fig. 2, 45, 46) are typical for the second half of the 4th- the first half the 5th centuries. To define the sequence of burials in family vaults in Bosporos 154 and 165/1904 it is important to take into consideration that the coffins were put in the depth of cut out niches, then they were put on the floor from the shelves to the entrance (Fig. 3). In Kerch vaults "Novikov" 1890,145/1904, 154/1904 and 165/1904 the buckles with long tongues were together with the in-laid things and Danubian brooches of two plates belonging to the first half of the 5th century. One should agree with A.I.Aibabin that small bi-plated brooches from vaults 421, 485 from Skalistoe and grave 29 from Inkerman were manufactured under the influence of the models of the 5th century. Late-roman coins must not be used for dating. They are met in the graves alongside with the coins of the 6th-7th centuries. When they stopped minting coins in 342 in Bosporos and in 370 in Pannonia the need in coins was covered by the money minted earlier. Nowhere in Europe polychrome things together with coins minted later than 379 were found. Danubian analogies are very important to understand the chronology of the Crimean artifacts under consideration. Judging by written sources every fifty years new people changed the nation who lived in the middle Danube region. Analogies from Ostgothian cemeteries in Italy and Westgothian necropolises in Spain. Judging by the materials of the cemeteries, including Skalistoe, "Archeological Suuk-Su Culture existed on the territory from the coast to the northern border from the 4th to the 9th centuries. The graves with small cast brooches with cut-removed ornamentation (19, p. 23) and some incidental, found not in-situ, finds (Fig.3) are dated back to the second half of the 5th century by Danubian analogies. Danubian brooches and buckles from Kerch are dated back to first half of the 6th century (Fig. VI, 6-8, 10-12; VIII, 4, 5, 7).

Since the second half of the 6th century village graves contain numerous women's jewelry (Fig.6). Archaeological excavations in Luchistoe confirmed suggested periodization of multitiered vaults in Suuk-Su cemetery stratigraphically (24). Changes in the form, size and ornamentation of eagle-headed buckles and bi-plated and finger-shaped brooches were the basis for dating the graves by the second half of the 6th-7th centuries. It was discovered that early eagle-headed buckles from Europe with a plate joining the frame and the plate 1-1.5 cm long and buckles of a later period with an eagle-headed and rhombus-shaped plate from the south-western Crimea with a corresponding plate 3-3.8 cm long. According to the length of the above mentioned plate the buckles were subdivided into types: 1; 1, 4; 2; 2, 4; 2, 5-2, 8; 3-3.8 cm (Fig. 6, 1-10,14). The length of bi-plated brooches changed too: from 20-22 cm of earlier ones to 8 cm of later ones. According to the sizes they were divided into three variants: 20-22 cm, 18-19 cm, shorter than 8 cm (Table 6, 11, 16, 17, 24). They were all measured without a decorative ledge on the head. Correlation of variants of these things with other finds enabled us to break up the graves into four periods: I (Fig. 3, 2, 3, 11-13) II (Fig. 3, 4, 11, 16, 17), III (Fig. 1, 16-22), IV (Fig. 3, 7-10,23-34). The first period can be dated back to 550-600 by the set of features (52, p. 293-295, Fig. 1, 13-15, 64, 65) and a coin of the period of Justinian I (527-565) from Suuk-Su. The second period is represented by two graves 77 (with a coin of Tiberius Mauriki 597-602) and 124 from Suuk-Su and is between the first and second periods. During the third period there appeared eagle-headed buckles with long joining plates, buckles with a lion or cross on the rectangular plate (Fig. 6, 21, 22). In the fourth period eagle-headed buckles had the maximum sizes (Table 6, 6-10), and plain bi-plated brooches - minimum sizes (Table 6, 24). Dnieper (Fig. 6, 25-27), Bosporos (Fig. 6, 23) and Slav Danubian finger-shaped brooches, small Byzantine buckles (Fig. 6, 30-33) came into the South-western Crimea. Coins of 629-641 and 668-685 from vault 275 from Eski-Kermen (20,p. 186, 187, Fig. 10, 1-3, 5, 10) config the date of the IVth period within the second half of the 7th century.

The analysis of the inventory and burial rite enable us to assume Suuk-Su culture was formed on the basis of components: Scythian-Sarmatian and Gothian. Burial rite was taken from Scythian-Sarmatians. They were like substratum, mixing with coming Goths, adopting their customs, costumes, handicraft, reflecting their ideology, their close relations with the far west instead of near northern and eastern neighbors.

Separate settlements of new comers in the Crimea have not been found yet but beginning with the second half of the 3d century in the graves of native population of the South-western Crimea, who to escape crushing defeat, brooches and vessels typical for Goths of Chernyachovo culture appeared. Rural Scythian population of the region differed from Goths slightly in a social and cultural aspects, that is why it mixed with them quickly and assimilated. However, in Bosporos culture which was higher than Gothian made it possible for the population to keep their Greek language, systems of writing and method of numbering the years. In Bosporos Sarmatian ethnic elements were preserved. The relations with the nomad world is quite noticeable there. In the South-western Crimea the relations with nomads characterize the armaments and horse harness.

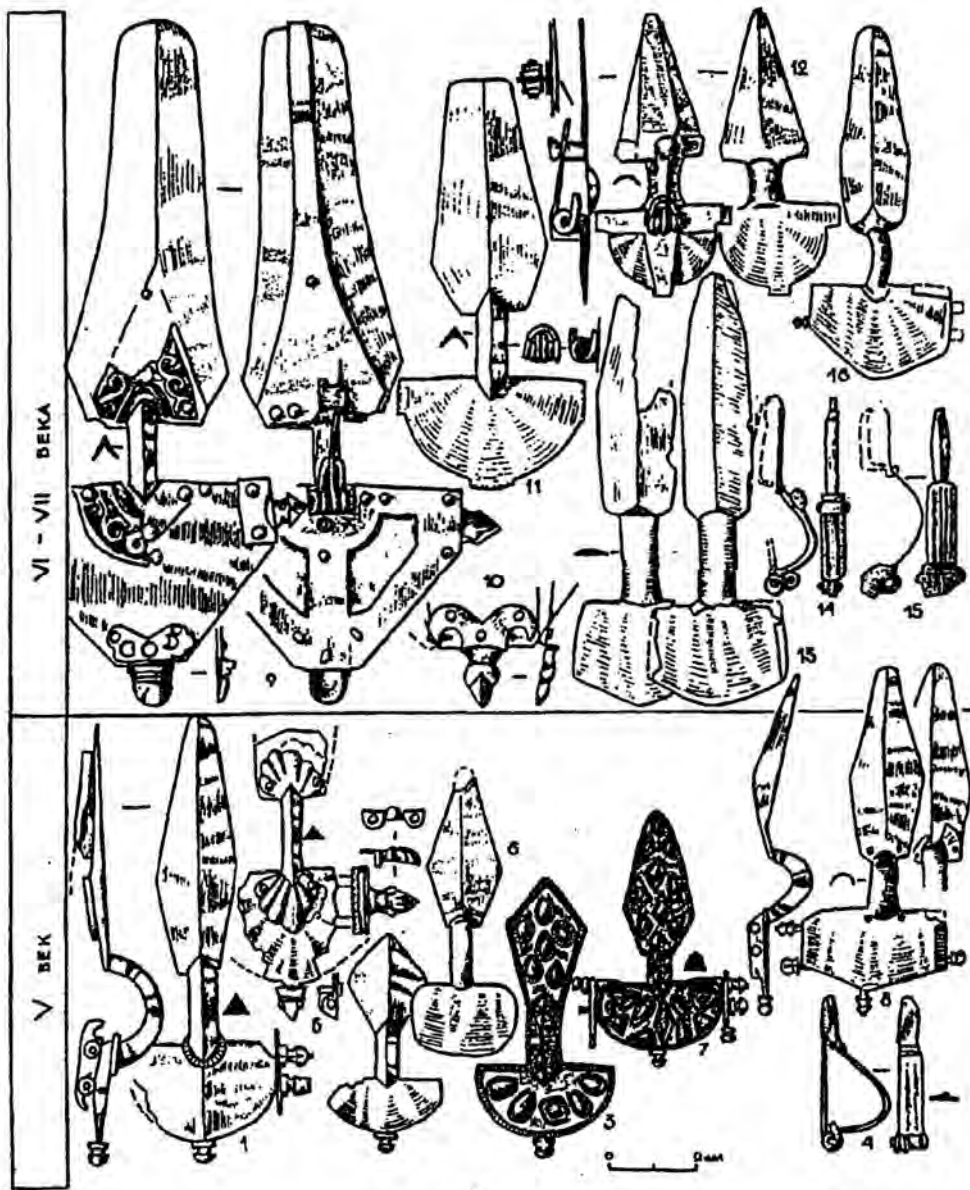

Рис. 1. Двупластинчатые и подвязные фибулы Крыма V-VII вв.

1-3 - первая половина V в.; 4 - V в., 5-8 - вторая половина V в., 10 - вторая половина VI и первая половина VII в., 11 - первая половина VII в., 12 - вторая половина VII в., 13 - VI-VII в., 14-16 - VII в. 1-8, 13, 16 - Керчь (1 - склеп 154, 1904 г., погребение 2, 2 - склеп 145/1904 г., 3 - из склепов 24 июня 1904 г. 4-6 - склеп 165/1904 г. погребения 4, 3, 6; 7, 13 - случайные находки; 8 - гробница 28/1891 г., из раскопок А. А. Бобринского; 16 - склеп 78/1907 г., погребение 4; 9-12, 14, 15 - Суук-Су (9 - могила 89, 10 - склеп 58, погребение V, 11 - могила 196, 12 - могила 32; 14 - склеп 153, 15 - случайная находка). 1-3, 5-12, 16 - серебро (3, 7 - с золотым покрытием и красными камнями, 8-10 - с позолоченными накладками, 9, 10, 12 - с бронзовыми подкладками для прочности), 4, 13-15 - бронза (14, 15 - с железом). Составитель А. К. Амброз.

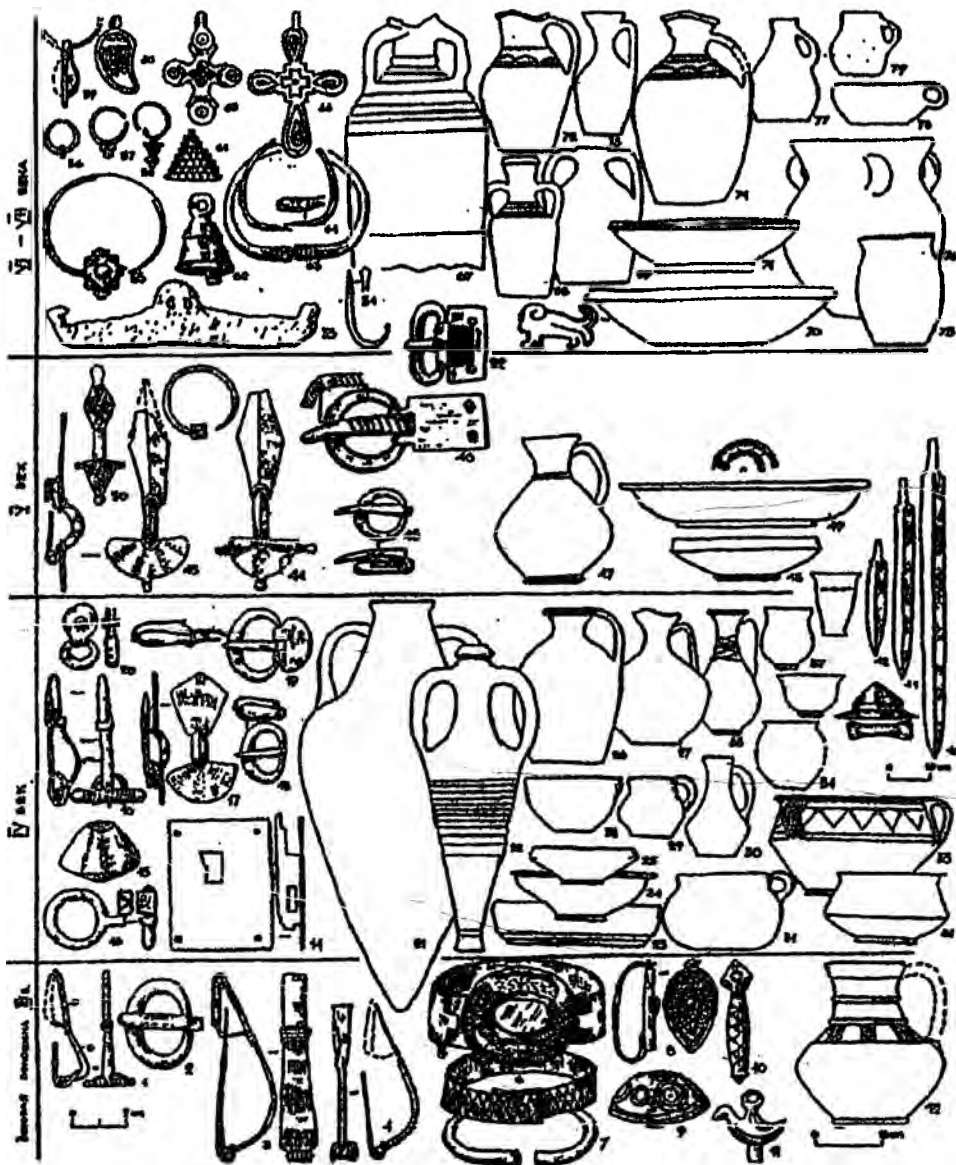

Рис. 2. Периодизация сельских могильников Юго-Западного Крыма III-VII вв.

1, 3-12 - Черноречье, могила 35; 13, 14, 33, 47-49 - Инкерман, из разрушенных могил (13, 14), из могил 37 (33), 31 (49), склепа 10 (47, 48); 15, 18-31, 34-37, 39-41 - Озерное III, из склепов 1 (15, 18, 19, 23, 25, 27, 28, 31, 34, 36), 2 (20, 22, 26, 29, 30, 35, 37, 39, 42), подбойской могилы (24, 40), ямной могилы 3 (41); 16, 21, 32, 38 - Харакс, из могил 33 (16, 38), 26 (21), 28 (32); 17, 43-46, 50, 51, 67, 72, 74, 76 - Скалистое, из склепов 421 (17), 485 (43-45), могилы 431 (46), склепов 190 (50, 51), 406 (67), 288 (72, 74), 420 (76); 52, 53, 66 - Сахарная Головка, из могил 13 (52), 2 (53), 4 (66, 54-58, 61-64, 69-71, 73, 75, 77-79 - Суук-Су, из могил 162 (54), 56 (55, 58, 61, 62), 72 (56), 59 (57), 77 (63, 69), 32 (64a), 112 (64b), 193 (70), 154 (71), 155 (73), 118 (75), 29 (77), 46 (78, 79); 59, 60, 65 - Эски-Кермен, из склепа 257; 68 - Чуфут-Кале, из склепа 34; 1, 3, 4, 6, 9-11, 13, 14, 16, 18, 20, 45, 46, 50, 51, 54, 59, 60, 62, 64, 65, 66 - бронза (59 - со стеклом, 60, 65 - позолочены); 2, 5, 7, 8, 17, 19, 43, 44, 52, 63 - серебро (5, 8 - позолота, с сердоликом); 12, 15, 21-33, 47-49, 67-79 - глина (28-31, 75-79 - выделены от руки); 34-38 - стекло; 39-42, 53 - железо; 55-58, 61 - золото. Масштаб указан отдельно для мелких изделий, посуды и оружия (кроме 63, 64 и клейма на рис. 70). Составитель А. К. Амброс.

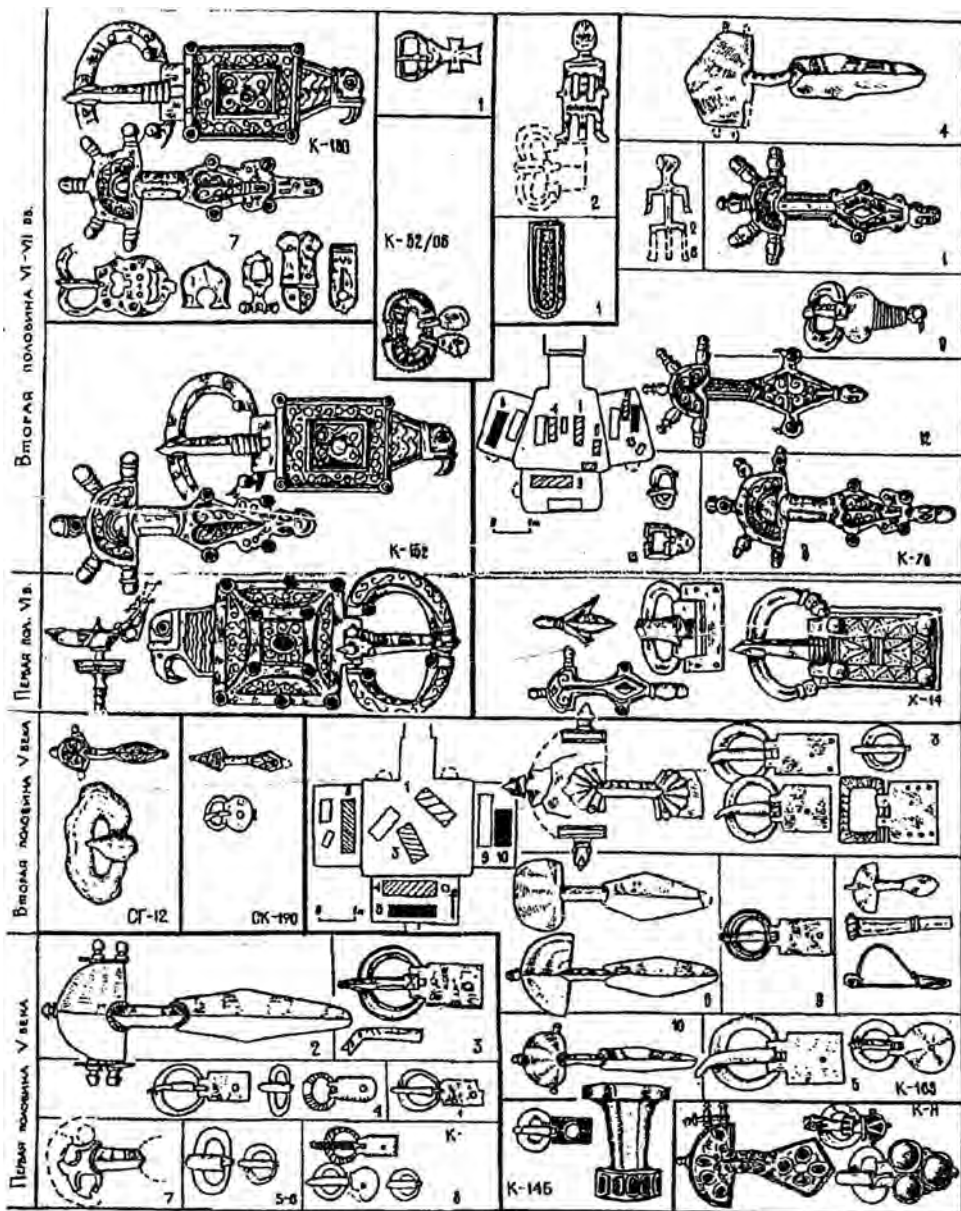

Рис. 3. Основы периодизации могильников V–VII вв. Юго-Западного и Восточного Крыма.

Изображения вещей расположены на рисунке по принципу синхронизации комплексов. Находки из одной могилы ограничены толстой линией, внутри нее тонкой – находки из отдельных захоронений. Буквами К-Н, К-154 и т. д. обозначены номера могильных сооружений, мелкими цифрами 1, 2 и т. д. – номера находившихся в них погребений. Все вещи даны в одном масштабе, кроме канделябра из склепа К-152. Обозначения: К-154, К-145, К-Н, К-165, К-152, К-180, К-52/06, К-52/09, К-78 – Керчь, склепы 154/1904 г., 145/1904 г., «Новиковский» 1890 г., 165/1904 г., 152/1904 г., 180/1904 г., 52/1906 г., 52/1909 г., 78/1907 г., СГ-12 – Сахарная Головка, могила 12; Ск-190 – Скалистое, склеп 190, X-14 – Херсонес, склеп 14/1914 г. На планах склепов К-165, К-78 – включенные в периодизацию погребения отмечены штриховкой, плотность которой соответствует предполагаемой последовательности заполнения склепов, начиная из глубины ниш и кончая пространством у входа. Составитель А. К. Амброз.

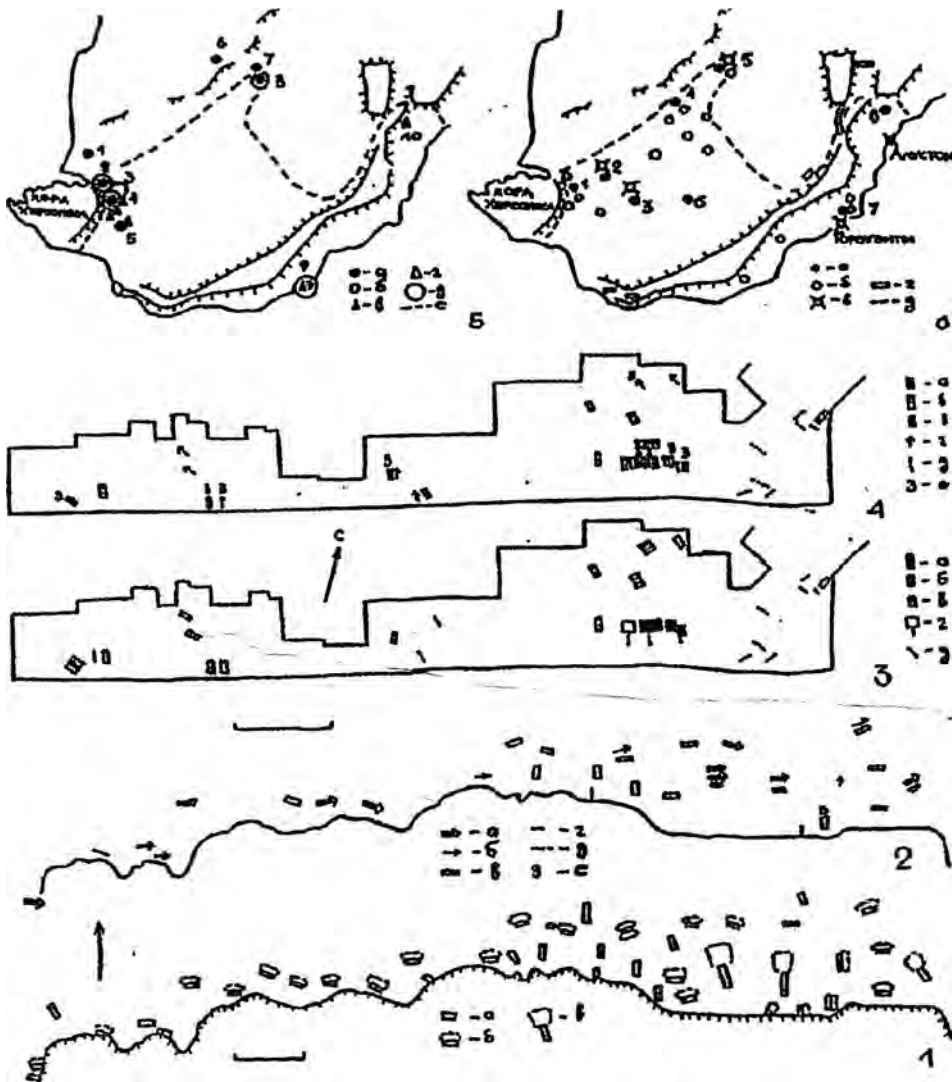

Рис. 4. Сельские могильники IV-VII вв. Юго-Западного Крыма.

1 - Инкерман, IV в., состав погребенных: а - мужчины с оружием, б - без оружия, в - женщины, г - пол не определяется, д - безинвентарные, е - с золотыми вещами. 2 - Инкерман, план могильника: а - ямные могилы, б - подбойные, в - склепы, г - граница разрушения могилы. 3 - Суук-Су, VI-VII вв., состав погребенных на части северного раскопа: а - женщина в полном парадном уборе, б - в неполном парадном уборе, в - с немногими украшениями, г - мужчина, д - безинвентарное погребение, з - золотые вещи. 4 - Суук-Су, VI-VII вв, хронология погребений: а - второй половины VI в., б - первой половины VII в., в - второй половины VII в., г - склеп. 5 - распространение погребений IV-V вв., 1 - Бельбек I, 2 - Инкерман, 3 - Сахарная Головка, 4 - у совхоза Севастопольский, 5 - Черноречье, 6 - Заветное, 7 - Озерное, 8 - Скалистое, 9 - Харакс, 10 - у Чатырдага.

Обозначения: а, б - могильники IV в. по обряду ингумации, раскопанные и нераскопанные; в, г - могильники IV в. по обряду кремации, раскопанные и нераскопанные; д - могильники V в.; е - область распространения могильников VI-VII вв. 6 - находки могил VI-VII вв.; 1 - Сахарная Головка, 2 - Эски-Кермен, 3 - Чуфут-Кале, 4 - Скалистое, 5 - Аромат, 6 - Суук-Су, 7 - Лучистое. Обозначения: а - могильники раскопанные, б - нераскопанные, в - раннесредневековые крепости Эски-Кермен, Мангуп, Бакла, Горзувиты, Алустон, г - средневековые «длинные стены», по О. И. Домбровскому, д - предполагаемая территория «страны Дори» VI-VII вв. Составитель А. К. Амброз.

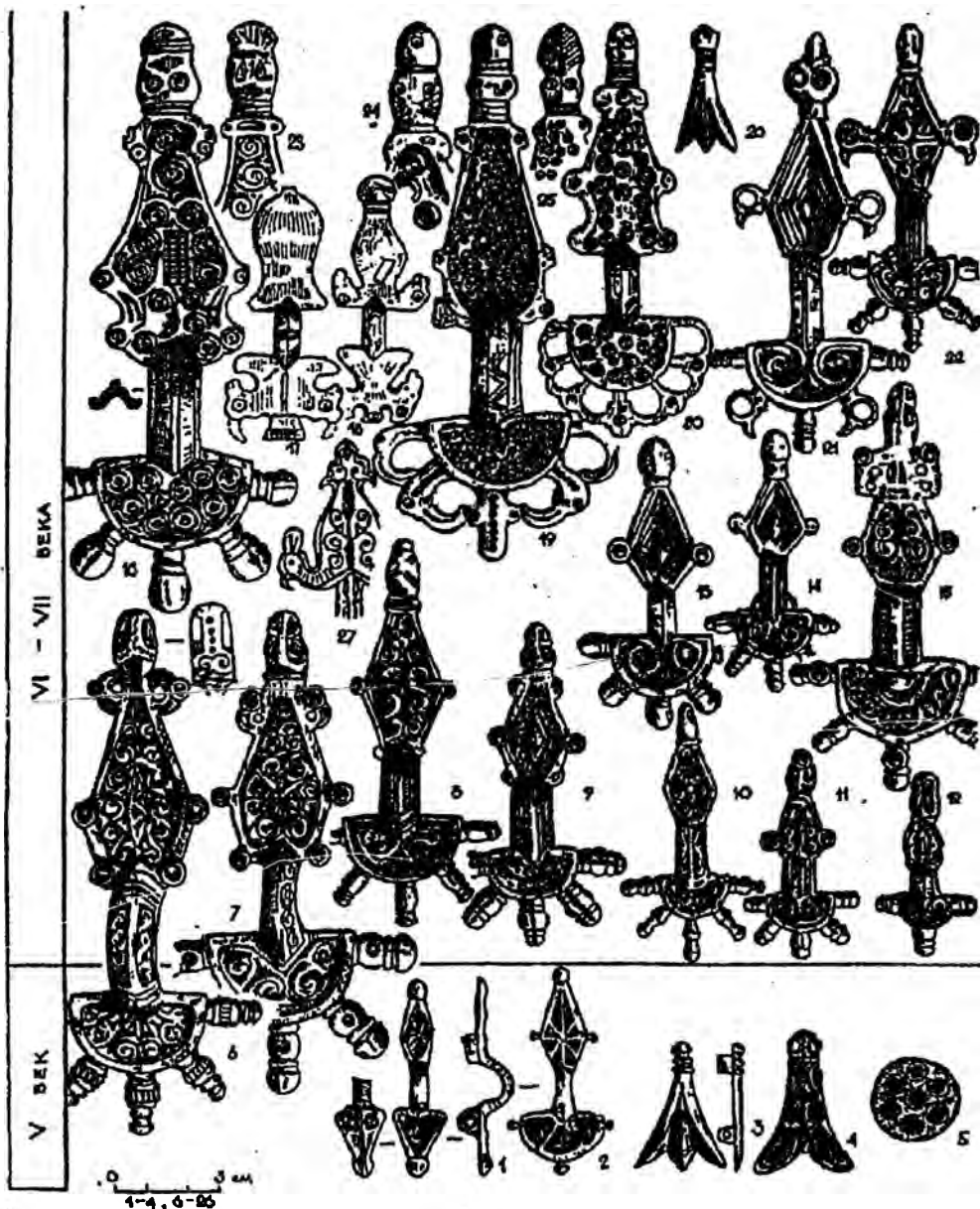

Рис. 5. Рельефные пальчатые фибулы и броши Крыма V-VII вв. и их аналоги.

1, 2 - вторая половина V в., 3 - V в.; 4, 5 - первая половина V в.; 6, 8-12 - первая половина VI в.; 7 - весь (?) VI в.; 13-15, 21, 22 - VI и VII вв.; 16-20, 23-25, 27 - середина и вторая половина VII в.; 26 - VII в. 1-7, 9, 10, 12-15, 21, 22 - Керчь (1, 6, 7, 10, 13, 21 - случайные находки; 2, 12 - склеп 12/1906 г., 3 - склеп 181/1902 г., 4 - из склепов 24 июня 1904 г., 5 - склеп 154/1904 г., 9 - склеп 78/1907, погребение 1, 14 - из раскопок 1905 г., 15 - склеп у Долгой скалы из раскопок А. Е. Люценко 1875 г.; 22 - склеп 5/1905 г.); 8, 11 - «Керчь или Феодосия» (Керчь?); 16, 17, 19, 20, 23-25 - Суук-Су (16 - случайная находка, 17 - склеп 131; 19 - могила 28; 20 - могила 154; 23 - могила 86; 24 - могила 87; 25 - могила 55); 18 - Чуфут-Кале, 26 - Сахарная Головка, склеп 3/1953 г., 27 - Мартыновка, Черкасской области. 1-3, 8, 13, 14, 16-20, 23-26 - бронза (13 - с красными камнями); 4, 5 - золото и янтарь, 6, 7, 9-12, 15, 22 - серебро (6, 7, 10-12, 15, 22 - с позолотой; 6, 7, 9, 11, 15, 22 - с красными камнями). Составитель А. К. Амброс.

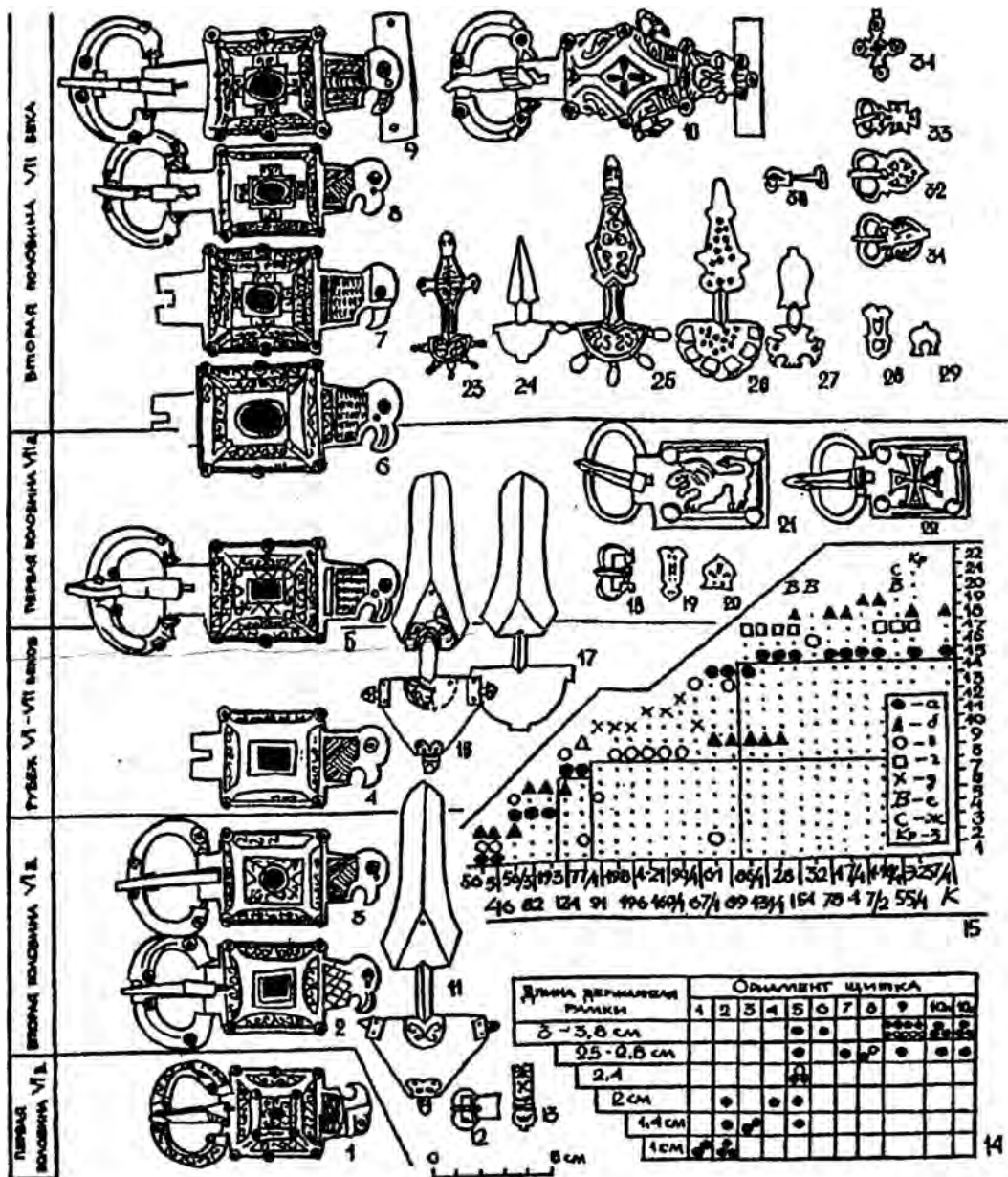

Рис. 6. Периодизация сельских могильников Юго-Западного Крыма второй половины VI и VII вв.

13-23, 29 - серебро (1-10 - с алмазиднами и стеклом); 12, 24-28, 30-34 - бронза (34 - с позолотой). Корреляционные таблицы: 14 - соотношение орнамента шитка и длины пластинчатого держателя рамки у орлиноголовых и ромбических пряжек. Справа по вертикали указана длина держателей, вверху по горизонтали - варианты шитков пряжек (на таблице - 1-10), кружками - количество находок из Румынии и Керчи (1), Суук-Су, могил 46, 56 и случайной находки (2);

могил 82 и 193 (3), 124 (4), 77, 86, 61, 89, 28, 131 и Скалистого, могилы 420 (5), неизвестного местонахождения (мало достоверно указание на «Никополь») (6), Суук-Су (7), могила 78 и 154 (8), Суук-Су, Кореиза, Артека и Чуфут-Кале, могилы 7 (9), Артека, Суук-Су, Чуфут-Кале и Скалистого (10), Аромата, могилы 1, Суук-Су, Артека, Чуфут-Кале, могилы 7 (10б, с фестончатыми краями). Светлыми кружками показаны находки, известные только по упоминаниям, 15 - взаимовстречаемость хронологически показательных признаков в погребениях. По горизонтали внизу указаны двойными цифрами - номер могилы и костяка, буквами Ч - Чуфут-Кале, Э - Эски-Кермен, К - Кореиз, все остальные без букв - Суук-Су. По вертикали справа обозначены следующие признаки: 1 - держатель рамки длиной 1 см; 2 - двухпластинчатая фибула с накладками, длиннее 20 см (11); 3 - орлиноголовый щиток 2 варианта (2); 4 - держатель длиной 1,4 см; 5 - двухпластинчатая фибула с накладками, немного короче 20 см; 6 - орлиноголовые щитки 3 и 4 вариантов (3; 4); 7 - держатель длиной 2 см. 8 - большие двухпластинчатые фибулы с тремя плоскими выступами (17); 9 - 1-10, 12, 18, 21, 22, 30-33 - пряжки. 11, 16, 17, 23-27 - фибулы, 13, 19, 20, 28, 29 - поясные бляшки, 34 - христианский крест; 14, 15 - корреляционные таблицы. 1 - Керчь, склеп 152/1904 г., импортная дунайская пряжка; 2-5, 7, 8, 11-13, 16-21, 23, 24, 26, 27, 31, 32 - Суук-Су, могилы 46 (2), 82 (3), 124 (4, 17), 77 (5), 78 (8), 56 (11, 12), 54 (13), 89 (16), 67 (18-21), 162 (23), 32 (24), 154 (26), 131 (27, 32), 29 (30), 58 (31), 6 - место находки неизвестно, 9 - Артек, 10 - Скалистое, склеп 288; 22, 28, 29 - Чуфут-Кале, могилы 41 (22, 23). 34 (28); Эски-Кермен, склеп 257. 1-11, орлиноголовый щиток 5 варианта (5), 10 - пряжки со львом (21); 11 - пряжки с искаженным мотивом креста (табл. VII, 12). 12 - пряжка с пятью крестами, 13 - двухпластинчатая фибула с накладками, короче 18,5 см (16); 14 - держатель длиной около 2,5 см, 15 - держатель длиной 2,6 - 3,8 см; 16 - маленькие двухпластинчатые фибулы с треугольной ножкой (24); 17 - пальчатые и зооморфные днепровские фибулы (25-27); 18 - орлиноголовые щитки 7-9 вариантов (7-9); 19 - большие ромбические щитки (10); 20 - разные мелкие византийские пряжки (31-33 и др.); 21 - серьги с крючком; 22 - крест. Обозначения: а - длина держателя рамки; б - вариант щитка пряжки, в - двухпластинчатая фибула, г - днепровская фибула, д - большие пряжки со львом или крестом, е - мелкие византийские пряжки, ж - серьги с крючком, з - крест. Составитель А. К. Амброз.

Рис. 7. Большие узорчатые пряжки V-VII вв. из Крыма.

1-3 - V в.; 4-7 - первая половина VI в., 8, 9 - середина и вторая половина VI в., 10-12 - первая половина VII в., 13-15 - вторая половина VII в., 16-21 - VI (?) и VII вв. 1, 2, 4-6, 16-21 - Керчь (1, 5, 16 - случайные находки; 2 - склеп 154/1904 г., погребение 2; 4 - склеп 152/1904 г., нижние погребения, 6 - склеп 163/1904 г., 17 - склеп 1/1905 г.); 3 - Ялта, 7 - якобы «Гурзуф», 8-10 - Суук-Су (8 - склеп 46, погребение 2; 9 - склеп 56, погребение 5; 10 - могила 67, погребение 1); 11, 12 - Чуфут-Кале (11 - склеп 50; 12 - могила 21); 13 - Скалистое, склеп 288; 14 - Аромат, склеп 1; 15 - Эски-Кермен, склеп 257, погребение в. 1, 3-17 - серебро (1, 3-5, 7, 12 - с позолотой, 3-6 - с чернью; 4-5, 7, 8, 12-17, 20 - с цветными камнями и стеклами; 9, 13, 14 - с бронзовыми подкладками); 2 - железо с серебряными гвоздиками (рамка и игла) и позолоченная бронза (щиток). Составитель А. К. Амброз.

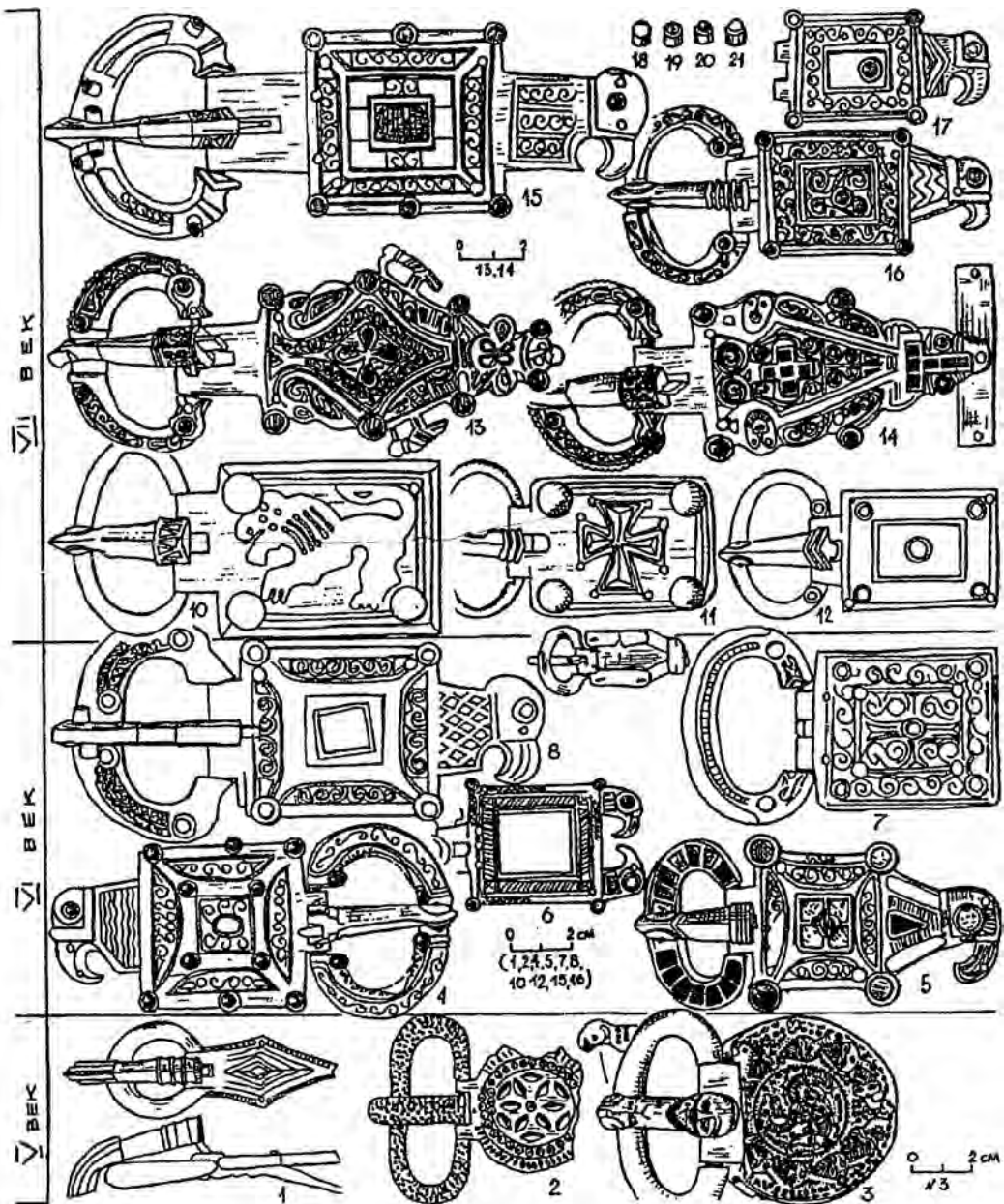

Рис.7.

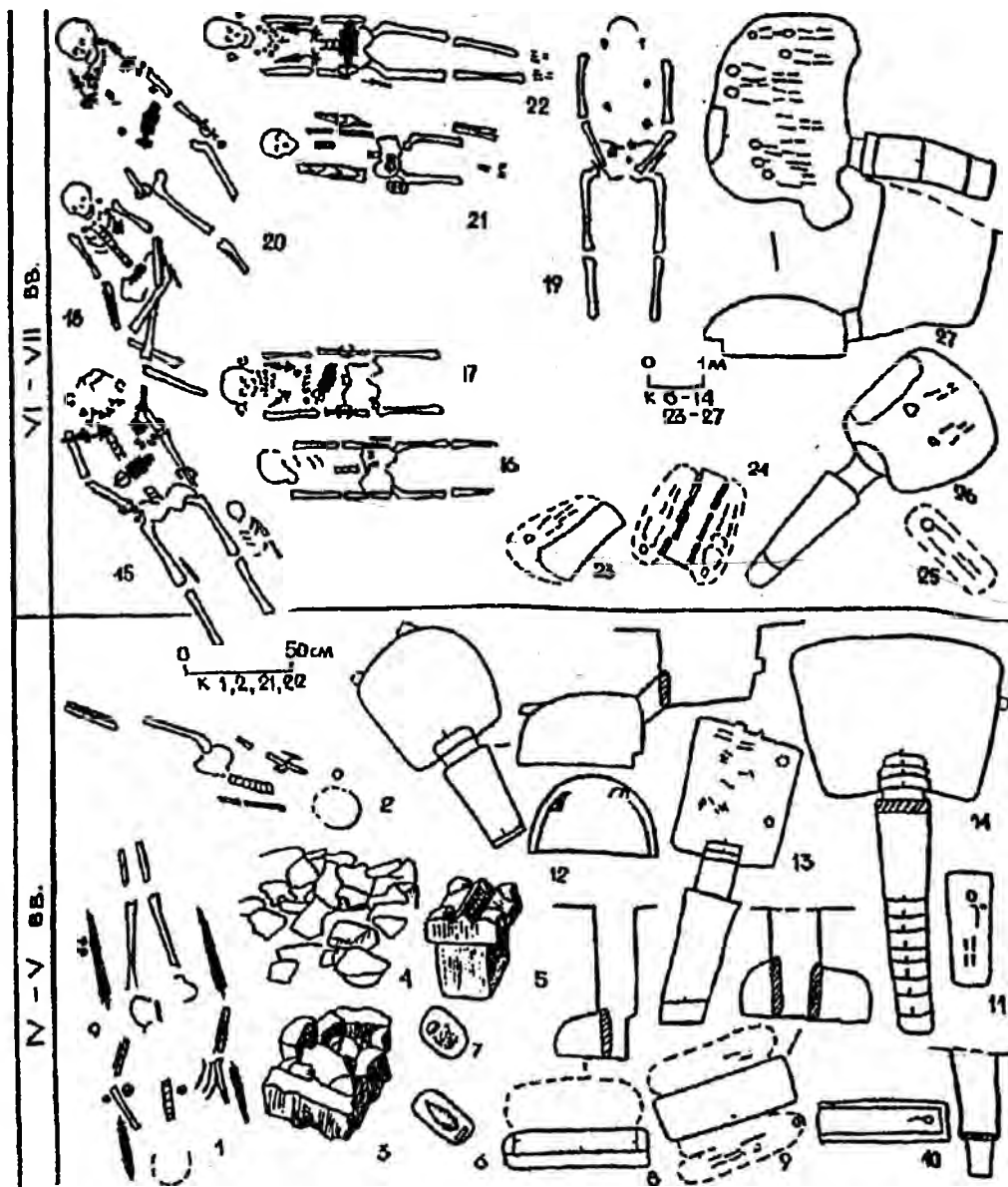

Рис. 8. Сельский погребальный обряд Юго-Западного Крыма IV-VII вв.

1, 2, 15-22 - погребения по обряду труположения (1, 16, 19, 21 - мужские; 2, 15, 17, 18, 20, 22 - женские); 3-7 - погребения по обряду трупосожжения (3 - каменный ящик с урнами; 4 - вымостка над урнами; 5 - каменная урна, 6 - урновое захоронение, 7 - безурновое захоронение), 8-13, 23-27 - погребальные сооружения (8, 9, 23, 24 - подбойные могилы, 10, 11, 25 - ямные могилы; 12-14, 26, 27 - земляные склепы). 1 - Озерное III, могила 2; 2, 8-14 - Инкерман, могилы 16, 29, 20, 42, 15, 31, 1/1940, 10; 3, 5 - совхоз Севастопольский; 4, 6, 7 - Харакс, могилы 33, 7, 6; 15-20, 25 - Суук-Су, могилы 46, 77 (16, 17), 73, 63, 28, 124; 21, 22, 27 - Эски-Кермен, могила 267; 23 - Чуфут-Кале, могила 21; 24, 26 - Сахарная Головка, могилы 66/60 и 2. Составитель А. К. Амброз.

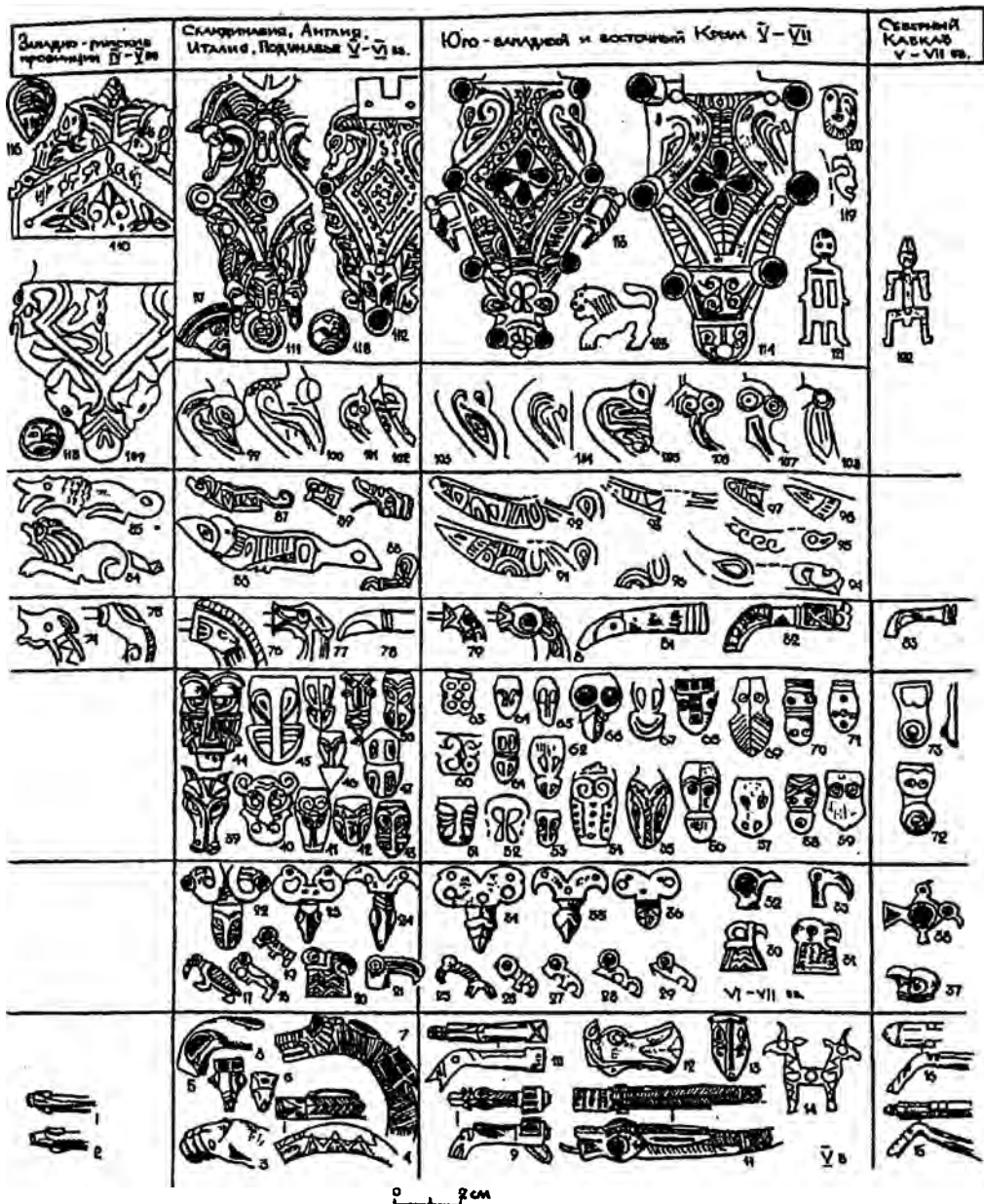

Рис. 9. Изобразительные мотивы в прикладном искусстве Юго-Западного и Восточного Крыма V-VII вв. и их аналогии.

1, 2 - IV в.; 3-16 - V в., 17-24, 39-50, 76-78, 86-90, 99-102, 111, 112, 117, 118 - первая половина VI в.; 74, 75, 84, 85, 109, 110, 115, 116 - вторая половина IV и первая половина V в.; 25-38, 51-73, 79-83, 91-98, 103-108, 113, 114, 119-121 - VI-VII вв. 1-16 - головки львов (?) на концах браслетов и пряжек IV-V вв.; 17-19, 25-29, 38 - фигурки птиц; 20, 21, 30-33, 37 - головки птиц; 22-36 - композиция из двух птичьих и одной звериной головки; 39-83 - головки зверей на изделиях IV-VII вв.; 84-98 - фигурки лежащих зверей, 99-108 - большие склоненные головы зверей; 109-114 - сложные композиции в северном зверином стиле и их прототипы; 115-122 - изображения человека; 123 - изображение льва. 1-4, 7, 8, 17, 21-23, 49, 75, 77, 87, 102, 112 - Венгрия; 5, 6, 20, 42 - Румыния; 9-14, 26-30, 32, 53-55, 61, 62, 64-67, 121 - Керчь; 15, 37, 38, 72, 73, 83, 122 -

Северный Кавказ; 18, 19, 41, 45, 47, 84, 86, 100 - Италия; 25, 52, 79, 80, 82, 91, 92, 96, 98, 101, 113 - Скалистое; 31, 33-36, 57-60, 68-71, 93, 104, 107, 114, 123 - Суук-Су; 39, 40, 44, 88, 111, 117, 118 - Скандинавия; 51, 81, 94, 105, 119 - Чуфут-Кале; 89 - ФРГ; 90 - Англия; 99 - Польша; 56, 63, 95, 108 - Артек; 101 - Берегово; 106 - Мартыновка, Черкасской обл.; 120 - Аромат. Золото, серебро, бронза с вставками цветных камней и стекол. Масштаб различен. Составитель А. К. Амброз.

Рис. 10. Мелкие пряжки и накладки узких ремней из Крыма V-VII вв.:

1-16 - V в.; 18, 19, 30 - VI в.; 17, 20-29, 31, 32 - вторая половина VI в.; 33-86 - VII в. 1-16, 36, 41, 50-52, 56-58, 60-62, 69, 70, 73, 74, 76, 78 - Керчь (1 - склеп 181/1902 г.; 2-4, 6, 9, 13-15 - из двух склепов, разрытых кладоискателями 24 июня 1904 г.; 5, 10 - склеп 154/1904 г. погребения 4 и 3; 7, 8 - Новиковский склеп 1890 г.; 11, 16 - склеп 165/1904 г., погребение 3; 12, 50, 51, 60-62, 70, 74, 76 - случайные находки, 36 - склеп 78/1907 г., погребение 13; 41, 78 - склеп 52/1906 г., погребения разрушенное и 1; 52, 69, 73 - могила 31/1952 г.; 56, 58 - склеп с доспехами, раскопанный Ю. А. Кулаковским в 1891 г.; 57 - склеп 52/1909 г., погребение 1); 17, 30, 39, 84, 85 - Сахарная Головка (17 - могила 2/1953 г., нижний юго-восточный подбой; 30 - могила 13/1953 г., 39 - подбойная могила с конским снаряжением; 84, 85 - склеп 52/1952 г.); 18, 19, 40, 45, 63, 66, 82 - Скалистое (18, 19 - склеп 495; 40 - склеп 420; 45 - склеп 418; 63, 66 - склеп 381; 82 - склеп 288); 20-29, 31-35, 44, 48, 49, 54, 55, 59, 65, 71, 80, 81 - Суук-Су (20, 21, 24 - склеп 56, погребения 1, 4 и 2; 22, 23, 25-29, 31, 32 - склеп 54, погребение 1; 33 - могила 1; 34, 49, 55, 59, 71 - могила 67, погребение 2; 35, 48, 65 - склеп 162, погребение 2; 44 - могила 144, 54 - могила 157; 80 - склеп 131; 81 - могила 58); 37, 79, 83 - Эски-Кермен, склеп 257, погребения 8, 1 и разрушенное; 38 - якобы «близ Симферополя» (Керчь?); 42, 43, 47, 53, 64, 72, 75, 77 - Чуфут-Кале (42, 68, 72, 77 - склеп 34; 43, 47, 53, 64, 75 - склеп 41, погребение 2); 46, 66 - Аромат, склеп 1; 67 - Херсонес, склеп 2126/1905 г. 1, 12, 16, 17, 20, 33-36, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 65, 68, 72, 77, 79-82, 84-86 - бронза (12, 34 - с инкрустациями; 16, 39 - с позолотой); 2, 3, 5, 10, 11, 22-32, 37, 38, 43, 46, 47, 49, 52-55, 59, 63, 64, 66, 67, 69, 71, 73, 75, 78 - серебро (2, 3 - с золотом и красными камнями); 4, 7, 8, 14, 15, 41, 50, 56-58, 60-62, 70 - золото (4, 7, 8, 14, 50, 60-62, 70 - с инкрустациями); 21 - железо. Масштаб относится к 1-4, 8-10, 12, 14, 15, 17-23, 25-32, 36-47, 49, 50, 53, 56-68, 70-72, 74-79, 82-86. Составитель А. К. Амброз.

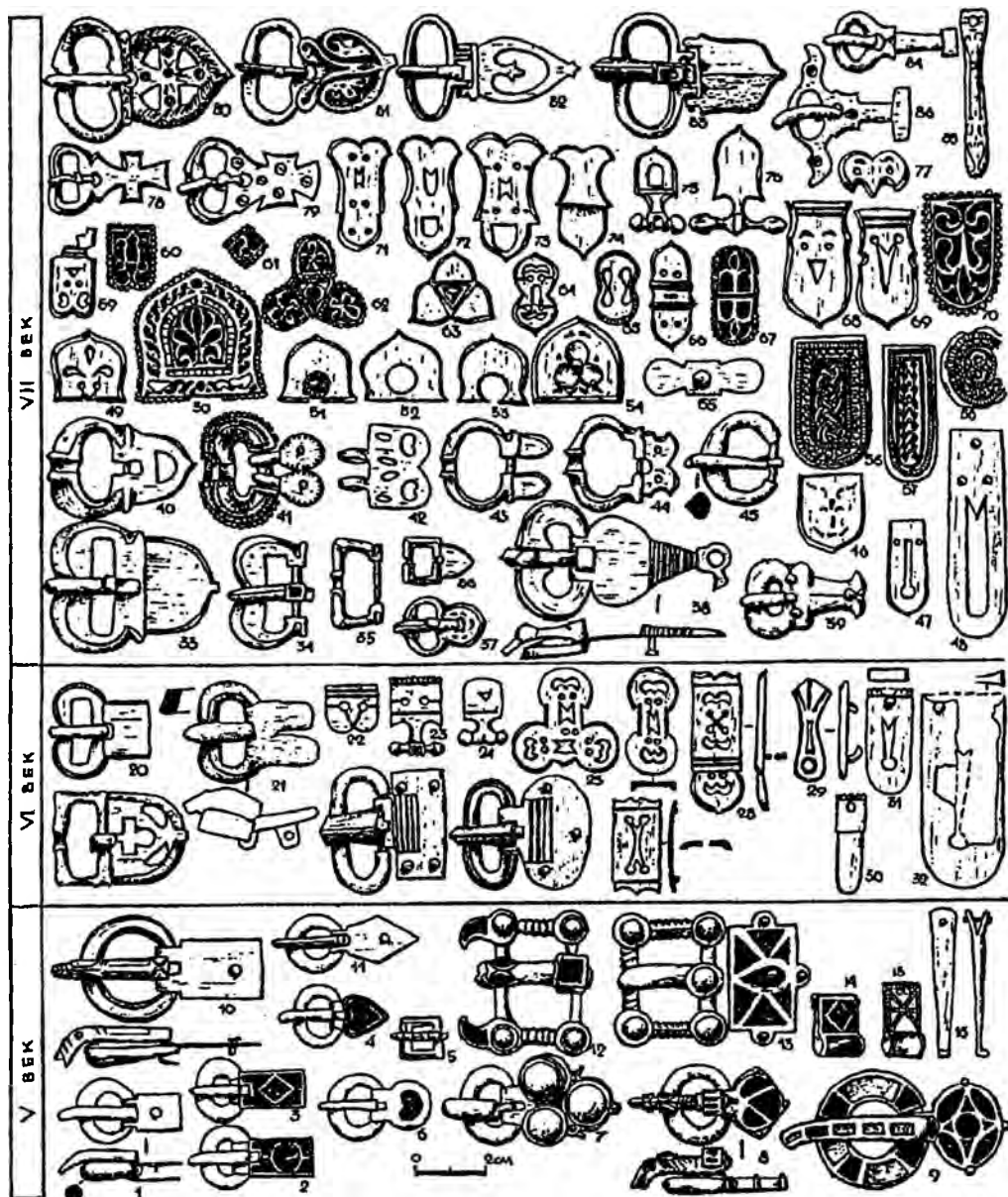

Рис. 10.

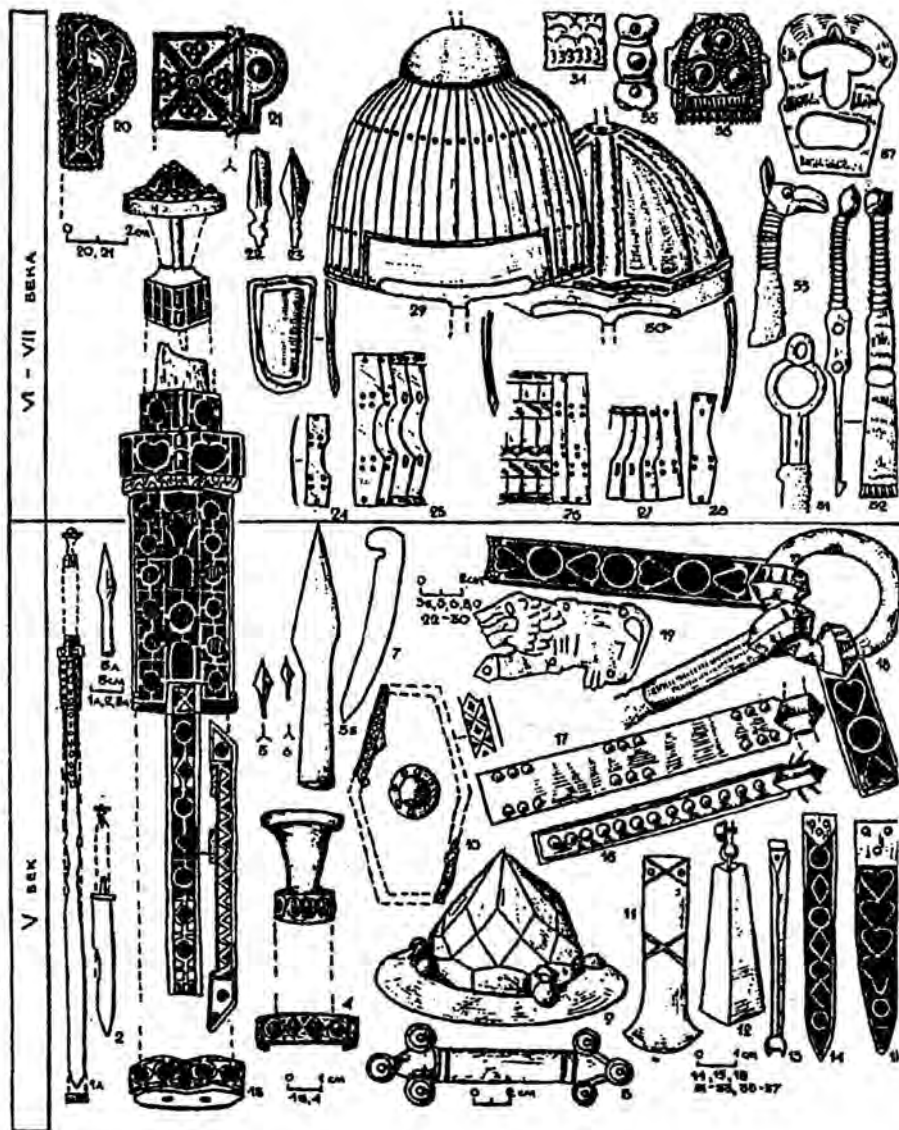

Рис. 11. Вооружение и конское снаряжение V-VII вв. из могил Юго-Западного и Восточного Крыма.

1, 2, 4, 20, 21 - мечи и княжалы; 3а, б - копы; 5, 6, 22, 23 - наконечники стрел, 7 - костяная обкладка лука, 8-10 - детали щитов, 11-19, 31-37 - части конского снаряжения, 24-30 - пластины доспехов и шлемы. 1-30, 33, 34 - Керчь (1-3, 10, 14, 15, 18, 19 - два склепа 24 июня 1904 г., 4, 8, 9, 11, 12, 16, 17 - склеп 145/1904 г., 5-7 - склеп 154/1904 г., 13, 20, 21 - случайные находки, 22-30 - склеп, раскопанный в 1891 г. Ю. А. Кулаковским, 33-34 - склеп 6/1905 г.); 31, 32, 35, 36 - Сахарная Головка, подбойная могила. 1-3, 5, 6, 8-10, 22-30 - железо (1, 2 - с золотом и цветными камнями; 9 - с позолотой; 10 - с обрывками кожи); 7, 37 - кость и рог, прочие - золото, серебро, бронза, железо, цветные камни и стекла. Составитель А. К. Амброс.